

18+

Томас Кийтли

История освободительной войны в Греции

Том 1

Томас Кийтли
История освободительной
войны в Греции. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71729323
ISBN 9785006558854

Аннотация

Признавая недостаток достоверных исторических сведений о Войне за независимость Греции, автор берет на себя труд составить популярный обзор имеющихся сведений. Он признает возможность неточностей и преувеличений в своем рассказе, но защищает свою опору на авторитетные источники и свое стремление представить всестороннее и точное повествование.

Содержание

Глава I	8
Глава II	27
Глава III	44
Глава IV	57
Глава V	80
Конец ознакомительного фрагмента.	90

История освободительной войны в Греции Том 1

Томас Кийтли

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Томас Кийтли, 2025

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2025

ISBN 978-5-0065-5885-4 (т. 1)

ISBN 978-5-0065-5886-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я ясно видел нелепость попытки написать критическую историю греческой войны до появления достаточного количества «Memoires pour servir». В настоящее время мы располагаем лишь дневниками и рассказами иностранцев, которые либо в качестве путешественников, либо на службе у греческого правительства провели некоторое время в Греции – многие из них были полны предрассудков, мало разбирались в человеческой природе и не знали языка страны. Эти материалы, конечно, не представляли собой ничего хо-

рошего. Тем не менее, я подумал, что без ущерба для репутации, которую могли бы приобрести для меня другие мои работы,¹ я мог бы осмелиться дать популярный синопсис той массы информации по этому вопросу, которая действительно находится в печати и на глазах у публики.

Я взял за правило строго ограничиваться этим, выступая в роли простого рассказчика, и, постоянно ссылаясь на свои авторитеты, освобождать себя от ответственности за точность деталей. Однако писать, не высказывая время от времени своих мнений, было невозможно; и за это, а также за проявление рассудительности при отборе материалов, я справедливо должен быть привлечен к ответственности.

Поскольку популярная история требует подробностей, чтобы быть интересной, я не мог следовать безопасному и разумному плану полковника Лика в его превосходном «Очерке греческой революции». Мне также показалось, что главная причина того, что работа капитана Блэкьера не была столь популярной, как можно было бы ожидать, кроется в сравнительной скудости ее подробных обстоятельств. Поэтому я, не колеблясь, часто прибегал к страницам М. М. де Пукевиля и Соузо, хотя они являются писателями, чья общая точность не вызывает у меня доверия. Хотя первый, однако, может приукрашивать, я не верю, что он часто выдумывает факты; поэтому я считал, что могу спокойно следо-

¹ Хотя мои «Очерки истории» появились только в августе прошлого года, они были написаны в 1828 году, а напечатаны в 1829-м.

вать за ним в истории Али-паши, с которой он был так хорошо знаком; что же касается ранних событий революции, то у меня был выбор: следовать за ним или не приводить почти никаких подробностей. Что касается месье Сутцо, то он один из греков-фанариотов и претендует на превосходные источники информации: Поэтому я счел правильным взять его в качестве своего проводника в рассказе о Гетайрии и о делах провинций за Дунаем. Писатель, которого я считаю наиболее заслуживающим доверия и который сообщил некоторые из наиболее интересных деталей в настоящих томах, – это полковник Максим Райбо, чьи мемуары, к сожалению, не выходят за рамки второго года войны.

Поскольку правильное произношение имен и фамилий имеет определенное значение, а греческая система ударения почти так же капризна, как и наша, я позаботился, в общем, о том, чтобы отметить ударение везде, где смог его установить. Я также написал имена собственные в соответствии с английской, а не, как это обычно бывает, французской орфографией, поскольку это может быть более полезным для простого английского читателя, который, вероятно, не найдет трудностей в Lower и Miowlis, хотя может быть озадачен Giaour и Miaoulis. В греческих именах конечная буква s не звучит, поэтому я иногда пишу ее, иногда опускаю. Ботзарис произносится как Боцари; так же обстоит дело и со всеми другими именами, которые будут встречаться.

Не сомневаюсь, что те, кто бывал в Греции, обвинят меня

в том, что я в разных случаях ошибался и, возможно, преувеличивал мелочи, превращая их в дела огромной важности. Я, однако, добросовестно следовал своим авторитетам; и я уверен, что в целом дал более полный и правильный отчет о войне, чем, насколько мне известно, можно найти в других местах.

ЛОНДОН, 1 октября.

Глава I

Очерк истории Греции – управление ею турками – жители – албанцы – арматолы – клефты – их нравы и образ жизни – народная поэзия.

В течение трех столетий, сменивших время, когда ее история вышла из тумана мифических веков, Греция демонстрировала одну из самых активных и напряженных сцен социального и политического существования, которые когда-либо наблюдал мир. Способности людей находились в состоянии постоянной активности благодаря непрекращающимся требованиям, предъявляемым к ним в связи с политическими отношениями различных независимых государств, на которые была разделена страна; и законодательство, военное дело и дипломатия, можно сказать, в значительной степени обязаны своим происхождением этому золотому веку Эллады. В тот же период все искусства, которые украшают и обогащают жизнь, достигли такой степени совершенства, которая никогда не была превзойдена.

Прошло два века, в течение которых превосходство македонских и других монархов, преемников Александра Великого, контролировало независимость Греции. Энергия, которая ранее вдохновляла ее соперничающие государства, исчезла, и в этот период Греция не играла значительной роли в истории мира. Год 147 до н.э. стал свидетелем последней

слабой борьбы греческой независимости против поглощающей амбиции Рима, и пламя Коринфа загло погребальный костер, на котором были сожжены его останки.

Сниженная до состояния провинции, Греция разделила судьбу республики. Она стала ареной войны между Римом и Митридатом; она пережила бедствия гражданских войн; она стала частью империи Цезарей. Спокойствие первых двух веков империи Греция наслаждалась вместе с остальным римским миром; нашествия варваров опустошали ее в последующие века: ее разрушителями были племена удаленного полуострова Скандинавии, которые входили в нее с севера или, отправляясь на кораблях по Эвксинскому морю, высаживали свою крепкую молодежь на побережье Атики.

В разделе Римского мира Греция стала частью восточной империи; и она оставалась в мирном подчинении деспотизму Византии до 1204 года, когда дряхлость империи пал перед венецианским флотом и небольшим армией крестоносцев. Большая часть морских побережий и почти все острова отошли Венеции, которая теперь гордо называла себя владычицей четверти и половины (или трех восьмых) Римской империи; континентальная Греция и Пелопоннес были разделены между рыцарями и дворянами Франции и Фландрии; и Греция теперь увидела герцогов Афин, принцев Ахеи, великих сеньоров Фив и лордов Аргоса и Коринфа. Замки, церкви и другие здания, возведенные этими западными дво-

рянами, до сих пор остаются, чтобы подтвердить их пребывание в Греции.

Хотя Латинская империя в Константинополе просуществовала всего пятьдесят семь лет, латинские князья Греции все еще сохраняли свои княжества в качестве подданных византийских императоров; и первое вторжение в Грецию османских турок, которые в XIV веке завоевали северные и западные европейские владения восточных императоров, произошло в результате приглашения епископа Фокиды к султану Баязиду I отомстить Труделинде, вдове герцога Делфийского. Амбициозный Баязид охотно откликнулся на призыв. Вся континентальная Греция покорилась ему; его генералы Якуб и Эвренос были отправлены покорять Мореи; 30 000 жителей Аргоса были переселены в Азию, а тюркские орды были переселены на Пелопоннес. Состояние смятения, в которое попали турецкие дела после поражения и пленения Баязида Тимуром, помешало завершению завоевания Греции; но после захвата Константинополя Мохаммедом II в 1453 году вся Греция была подчинена османским монархам. Венеция все еще сохраняла владение Кандией и некоторыми другими островами, а также частью континента. К концу XVII века она завоевала Морею и потеряла Кандию; но в начале XVIII века вся Греция находилась под владычеством султана.

Используя права завоевания, турки везде, кроме Киклад, где они не поселились, захватили большую часть самых пло-

дородных земель. Под названием Ага, слово, соответствующее нашим землевладельцам, они образовали класс землевладельцев и собственников Греции; ² Раясы, как турки называют своих христианских подданных, обычно обрабатывали земли гордых и ленивых мусульман по системе метайеров; каждый христианин ежегодно платил налог, называемый харадж, за разрешение жить и исповедовать свою религию; угнетительные барщины и алчность турецких губернаторов удерживали их в постоянном состоянии нищеты; правосудие, осуществляемое мусульманскими кадиями, было продажным и предвзятым; злоупотребления и оскорбления были их повседневным обращением со стороны невежественных и фанатичных турков. Страна была разделена, как и остальная часть империи, на пашалыки; подчиненные им делились на воеводства; в каждом городе находился кади, который осуществлял правосудие. Вся Морея образовывала лишь одно правительство; лицом, возглавляющим это правительство, всегда был визирь, то есть трёхбунчужный паша. ³

Его титул был Морех-Валеси (лейтенант Мореи); его резиденция обычно находилась в Наполи-ди-Романия, на заливе Аргос, но в последнее время – в городе Триполица, в Ар-

² Некоторые из этих людей имели в Морее поместья по 30 000 ливров в год – «Путешествия Лика в Морею».

³ Количество конских хвостов, которые носят на шестах перед турецким офицером, обозначает его ранг. Наибольшее число – три.

кадии. Острова, в общем, оставались под управлением местных администраций; капитан-паша или адмирал был их генерал-губернатором, и каждый год он совершал кругосветное путешествие по ним, чтобы собрать харадж и другие налоги. Остров Крит, на котором мусульмане составляли почти половину населения, был разделен на три пашалыка. Греки, однако, не были полностью лишены земельной собственности; церковь, иерархия которой не подвергалась вмешательству завоевателей, сохранила некоторые земли, как и потомки некоторых древних семей. У некоторых из них было больше, у других меньше этой собственности; другие обогащались торговлей и коммерцией, и именно они составили греческую знать континента и Мореи. Под властью турок все влияние находилось в руках этих людей и высшего духовенства; они, как старшие мужчины деревень на Востоке, регулировали дела округов, в которых проживали, собирали налоги и осуществляли все местные мероприятия, которые были необходимы. Турки называли их ходжа-баши (старосты), греки – геронты (старейшины), архонты (архонты), проэсты (приматы) и т. д. Будучи вынужденными проявлять значительную степень раболепия перед своими турецкими хозяевами, характер этих людей в целом не отличался возвышенностью; они переняли многие турецкие обычаи, и их тирания над нижестоящими была немногим меньше, чем у самих турок. Островитяне всех сословий, менее подверженные пагубному влиянию угнетения и оскорблений, в целом превос-

ходили по характеру своих собратьев с континента.

Нынешние жители Греции, несомненно, в большинстве своем являются потомками древних эллинов; но, как и многие другие страны, Греция пополнила свое население иностранцами. Валашские пастухи на протяжении многих веков пасли свои стада на горах вокруг Фессалии, и многие потомки латинян, конечно, все еще остаются в деревнях и городах. Но Албания – это регион, который прислал в Грецию больше всего колонистов. Жители этой страны, преемники и, вероятно, потомки древних иллирийцев, также называются шептарами; они делятся на различные племена, отличающиеся диалектами своего языка, и называются гуэги, токши, мирдиты и т.д. и т.п. Все они придерживались христианской веры и долгое время, особенно при их доблестном вожде Скандербеге, оказывали упорное сопротивление туркам. В конце концов они подчинились их власти, и, как и их соседи боснийцы, большая часть их племен приняла магометанскую веру. Они отличаются воинственным характером, и их можно встретить в качестве охранников большинства турецких пашей и крупных вассалов.

Албанцы постепенно вторглись в Эпир и Акарнанию, а в XIV веке греческие князья пригласили их в Морею, чтобы помочь им в борьбе с турками. Племя Бардуния в Лаконии и племя Лалла в Элисе ведут свое происхождение от этих албанских помощников.⁴ Эти два племени также

⁴ Пукевиль. Мистер Лик уверен, что эти племена появились в Морее только

приняли магометанскую веру, и они были самой доблестной частью мусульманского населения полуострова. Другие части албанцев распространились по территории древнего Сикиона и Аргоса; они составляют население островов Саламис, Гидра, Специя и Порос, а также многочисленны в Аттике и Беотии. Все эти албанцы исповедуют христианскую веру; они в значительной степени сохранили свой древний язык, манеры и одежду.

С самого начала турецкого владычества над Грецией была принята система местной полиции⁵, состоящей из местных греков, для сохранения мира в каждом районе и для подавления вторжений независимых горных племен. Эта полиция называлась арматолы (Αρματολοί); командовал ими капитан (καπिता́νος), имевший при себе лейтенанта, называемого протопаликаре (паликаре -παλληκάρια – обозначение простых людей), который обычно выполнял функции секретаря. Должность капитана передавалась по наследству в семье. Арматолы обязаны были подчиняться указаниям паши или его заместителя, а также греческих примасов. Вооружение арматолов было таким же, как и у албанцев, а именно: длинное ружье, меч и кинжал.

Арматоликов, или округов, на которые была разделена Греция, было семнадцать, десять из которых находились

в прошлом веке.

⁵ Этот институт некоторые приписывают Солиману Великому. Полковник Лик относит его ко времени византийских императоров.

в Фессалии и Ливадии, четыре – в Итолии, Акарнании и Эпире, три – в Сис-аксианской Македонии. Этот вид войск был неизвестен в Морее. Каждый полководец проживал с частью своих людей в главном месте своего округа, остальные были разбросаны по нему отрядами. Арматолы, следует еще раз отметить, были чисто греческим войском, в их состав не принимали ни турок, ни албанцев.⁶

После того как учреждение арматолов оставило значительную часть власти в руках греков, Диван в последующий период попытался ослабить ее, создав противовес турецким силам. Была учреждена должность дервенджи-баши (инспектора перевалов)⁷, которая обычно возлагалась на одного из пашей Греции, который таким образом получал право держать наготове силы, достаточные для обеспечения безопасности дорог, особенно горных дефиле, по всей стране. Поскольку это было посягательством на права арматолов, между ними и новой полицией возникли неприязненные отношения, которые иногда перерастали в акты насилия.

Однако ничего важного не происходило до тех пор, пока Порта придерживалась мудрой политики не передавать албанцам пашалык Греции; но в прошлом веке от этой политики пришлось отказаться, и четыре албанских вождя последовательно становились пашами Эпира и дервенджи-баши.

⁶ За наш рассказ об арматолах и клефтах мы обязаны предисловию М. Фориэля к его «Народным песням современной Греции».

⁷ Также, согласно Лику, должность во времена византийских императоров.

Все свои усилия они направили на разрушение корпуса арматолов, и между ними и албанскими воинами пашей возникли многочисленные конфликты.

Многочисленные горные хребты, занимающие столь значительную часть поверхности Эллады, во все времена были местом дикой и беззаконной независимости. Племена Мани в Морее и Сфакии на Крите никогда не были полностью подчинены турецкой власти; то же самое происходило с теми, кто обитал на обрывистых высотах Олимпа, Оссы, Пинда и других хребтов континентальной Греции, и они досаждали жителям равнины своими постоянными грабежами. Их называли клефтами (Κλέφται), или разбойниками. Не сумев покорить их, турки заключили с ними очень выгодный договор. Они признали за ними право на независимость, на управление по собственным законам, а также на ношение оружия; в знак признания верховенства султана они требовали лишь умеренную дань. Ближайшие к равнине племена приняли эти условия; те же, кто обитал в более труднодоступных частях гор, не пожелали признать верховенство, которое нельзя было обеспечить силой, и сохранили свою прежнюю грубую независимость. Считается, что, поскольку именно в Фессалии впервые была принята система арматоле, она была применена против этих последних, и что первыми арматоле были те клефты, которые приняли только что упомянутые условия и теперь обратили оружие против своих бывших соратников, защищая свою собственность и соб-

ственность мирных жителей равнины.

Когда турецкие паши попытались уничтожить корпус арматоле, многие из капитанов и их отрядов, изгнанные из своих арматоле, ушли в горы и перешли к клефтийской жизни, а другие поддерживали себя в своих округах основной силой. Названия «клефты» и «арматолы», подразумевающие вражду с турками, теперь смешивались; в некоторых частях, например в Итолии, слово «арматол» означало и то, и другое состояние жизни; в Фессалии, где, возможно, термин «клефты» был более привычным, он использовался по преимуществу. Однако между ними проводилось различие; арматол, действовавший для сохранения мира в своем округе, назывался прирученным клефтом (κλέφτης ἡμερος); независимый разбойник, настоящий клефт или арматол, поднявший бунт, – диким клефтом (κλέφτης ἄγριος).

Способ перехода из арматолического в клефтическое состояние был таков. Если капитану становилось известно о заговоре против него паши или дервенджи-баши, которому он не считал себя в силах противостоять, он немедленно удалялся в соседние горы, и его корпус арматолов не терял времени, чтобы последовать за ним. Он сразу же направил свои мысли на увеличение отряда, и если его характер отличался храбростью и поведением, то многие жертвы угнетения обращались к нему, надеясь под его руководством отомстить своим тиранам. Таким образом, вождь клефтов иногда оказывался во главе двух-трех сотен, а то и большего числа па-

ликаров; но в целом эти отряды, поскольку удержать большое число людей вместе было нелегко, редко превышали сотню, а зачастую не превышали и пятидесяти человек. Они свободно кочевали по горам, но обычно у них было что-то вроде постоянной стоянки, называемой лимери, в окрестностях района, из которого они были изгнаны.

Единственным средством существования, которое имели арматолы, превратившись в клефтов, был грабеж. Однако они не были безразборными грабителями; стада пашей и турецких беев и ага, которые паслись в горах, часто захватывались ими; они спускались и грабили деревни и земли ага и беев, унося все, что могло им пригодиться, и сжигая то, что оставалось; самих беев и ага нередко захватывали и увозили в горы, где их держали до тех пор, пока за них не платили выкуп, который они назначали. Но единственными греками, которых они грабили без крайней необходимости, были калойеры или монахи, к которым они питали особую неприязнь и которые, в свою очередь, никогда не отказывались дать любую информацию, которая могла бы позволить туркам застать их врасплох. Когда они грабили других греков, то оправдывали себя тем, что заслужили это, так как были крестьянами и слугами турок.

Иногда, когда они считали себя достаточно сильными, они нападали на деревни и даже города. В таких случаях они действовали следующим образом. Сначала они посылали в то место, на которое планировали напасть, приказ о предо-

ставлении определенной суммы денег или товаров, провизии и т. д. в определенное время и в определенном месте, иначе оно будет сожжено. Поскольку турки наказывали за выполнение этих клеветнических требований, те, кому они были адресованы, редко подчинялись первой повестке; затем приходила вторая, третья, содержащая угрозы более страшные, чем первая. Когда приходила повестка, четыре угла которой были сожжены, медлить было уже нельзя, и требование сразу же выполнялось. Подобные повестки время от времени посылались богатым турецким владельцам, правительственным чиновникам и даже греческим епископам, которых клефты, будучи богатыми и скупыми, считали честной добычей, хотя и не питали к ним антипатии, как это было в случае с монахами.

Схожие ситуации порождают схожие манеры, и многие черты характера клефтов вызывают в памяти соответствующие черты шотландских горцев в определенный период и различных других племен горцев, основным занятием которых было опустошение прилегающих низких стран. Клефты были выносливы и активны; они лежали под открытым небом, плотно закутавшись в свой плащ из козьей шерсти; свои походы они совершали ночью, выбирая для этого наиболее темные и бурные ночи.⁸ Клефты никогда не сражались

⁸ Εὗτ ὄρεος κορυφῇσι Νότος κατέχευεν ὀμίχλην, Ποιμέναιν οὔτε φίλην, κλέπτην δέ τε νυκτὸς ἀμείνω, говорит Гомер (II. III. 10.) И название, и предмет были знакомы старому барду.

телом; каждый мужчина располагался за частью стены или скалы, за деревом или кустом, где из своего длинного ружья вел прицельный огонь по врагу.

От постоянной практики стрельбы по мишеням в часы досуга эти люди достигли такой степени точности в прицеливании, что для них было обычным подвигом попасть на расстоянии 200 шагов в яйцо, подвешенное на ветке дерева, а некоторые из них даже посылали шар на такое же расстояние через кольцо, диаметр которого едва превышал диаметр самого шара. Вспышки от выстрела врага в темноте было достаточно, чтобы они могли попасть в него. Если отряд клефтов оказывался в окружении и не оставалось других способов спастись, они выхватывали мечи и прорубали себе путь сквозь врагов. Уловки, к которым они прибегали, чтобы спастись, часто были самыми необычными, о чем свидетельствует следующий рассказ об одной из них.

Однажды прославленный капитан Кацантонис со своими палицарами занимал вершину труднопроходимой горы, к которой вели два очень узких прохода, удаленных друг от друга примерно на полмили. Вероятно, их предали, так как два сильных отряда албанцев заняли эти дефиле. Паликары смирились с тем, что пропали, так как единственной возможностью спастись оставалась гладкая, скользкая и почти перпендикулярная поверхность высокой скалы, попытка спуститься с которой была почти верной смертью. Пока они в ужасе смотрели на эту пропасть, Кацантонис велел им смотреть на

него и следовать его примеру. Подойдя к сосне, он срубил мечом крепкую ветку, очистил ее нижнюю часть, оставив на ней кустистую верхушку, затем подошел к краю скалы, лег на нее и начал спускаться; трение ветвей, придавленных его весом, уменьшило быстроту его спуска, и он благополучно достиг дна. Его люди последовали его примеру, и вскоре албанцы узнали, что их добыча сбежала.

В свободное время клефты развлекались всевозможными мужественными упражнениями: бегали, прыгали, метали диск, как во времена Древней Эллады. Ловкость, достигнутая некоторыми из них, поражает воображение; известно, что капитан Нико Царас перепрыгнул через семерых лошадей, стоящих в ряд; другие, как говорят, расчистили три телеги, груженные барханами, на высоту семи или восьми футов. Говорят, что многие клефты под тяжестью своей одежды, амуниции и оружия могли держаться на лошади в полном галопе.

Клефты были до удивительной степени приспособлены к усталости, отсутствию сна, голоду и жажде. Известно, что они выдерживали бой в течение трех дней и ночей без еды, питья и сна. По стойкости в перенесении боли они не уступали североамериканским индейцам; они переносили разбивание кувалдами всех костей нижних конечностей, не издавая ни единого стога. Их желанием была смерть на поле; хороший мяч! (καλὸν μολύβι) был обычным тостом на их пирах. Как и древние северяне, они с отвращением относились

к идее смерти от болезни.

Как и северяне, клефты были жестоки к своим врагам, но добры и ласковы с родными и друзьями. Одной из самых благородных черт их характера было уважение, которое они проявляли к женскому полу. Они часто уводили в плен жен и дочерей богатых турок, а иногда и греческих приматов, и держали их с собой в диких лесах и пещерах несколько дней, пока не выплачивали назначенный за них выкуп. Нередко случалось, что эти женщины принадлежали тем, кто надругался над женами и дочерьми клефтов, и все же на их личности не было совершено ни малейшего покушения. Приводится даже случай, когда капитан был убит своим собственным палицаем за то, что оскорбил турчанку, которую держали в плену до получения выкупа. В одной из баллад, которую мы еще будем иметь случай упомянуть, рассказывается о капитане, который трапезничает в своем лимере, а рядом с ним гречанка, которую он увел. Он нагло требует, чтобы она налила ему питье; она невозмутимо отвечает: «Я не рабыня твоя, Димос, чтобы наливать тебе питье. Я дочь и невестка предстоятеля». И это она говорит посреди леса, на дикой горе, где она была полностью во власти своих похитителей. «Не среди таких людей, – справедливо замечает г-н Фауриэль, – Сципион встретил бы восхищение за то, что не оскорбил свою пленницу».⁹

⁹ Возможно, в этом отношении к женщинам было нечто вроде суеверия. М. Райбо (I. 288) отмечает, что греки в целом редко нарушали целомудрие

Клефты были чрезвычайно религиозны по своей собственной моде и в этом отношении напоминали итальянских бандитти, а также всех тех, кто считает религию и мораль двумя разными вещами. Клефты, где бы они ни находились, соблюдали церковные праздники как можно лучше; никакая беда не побудила бы его взять из церкви какое-либо подношение или священную утварь; был случай, когда вождь, унесший *ex voto* из церкви Богородицы близ Вонитцы, был доставлен своими палицами к Али-паше, по приказу которого его повесили. Знаменитый капитан Блахавас отправился в паломничество в Иерусалим в возрасте семидесяти шести лет в сопровождении своего протопалыча и умер в Святой земле.

Летом, когда поля были зелеными, а погода теплой, клефты жили в горах. Пастухи, каждую весну перегонявшие свои стада с равнин на пастбища в долины и склоны Пинда и родственных ему горных хребтов, по склонности и интересам были друзьями и соратниками клефтов, которых они за умеренную плату снабжали мясом детей, ягнят, овец и козлят. Вино, купленное в городах и спрятанное в тайниках лимериков, оживляло клефские пиры; чистый воздух гор дарил здоровье и вдохновлял на веселье; а клефты отличались весельем и остротой своих реплик.

женщин-пленниц. Маниоты, говорит он, считали, что в этом случае мяч попадет в них при следующем действии. Островитяне не разделяли этого предрассудка и, соответственно, были гораздо менее щепетильны в этом вопросе.

Зимой, когда горы покрывались снегом, клефт заворачивал оружие и боеприпасы в прочные полотнища и прятал их в пещере или в расщелине скалы. Затем он спускался на равнину, чтобы провести время, до возвращения весны, со своими друзьями или родственниками, или перебирался на Ионические острова, где он мог быть в безопасности под защитой Венеции. Но, не обращая внимания на социальные удовольствия, безопасность и восхищение, с которым относились к нему соотечественники, сердце клефта все еще находилось среди его гор, и он с нетерпением ждал момента, когда зеленая окраска далеких холмов сообщит ему, что снег сошел и он может вернуться в свой лимери.

В таком угнетенном народе, как греки, люди, которые осмеливаются бросить вызов тем, перед кем трепещут другие, всегда будут восприниматься своими страдающими соотечественниками с почтением и привязанностью. Вожди клефтов, соответственно, были популярными героями, Гераклом и Тесеем современной Греции. Их подвиги составляли главную тему национальных баллад, которые распевали по всей стране странствующие менестрели, подлинные потомки певцов (οἰδοί) и рапсодов древней Эллады; таким образом, слава Блахаваса, Кацантониса, Нико Цараса распространялась далеко и широко и поддерживала в сознании народа ненависть к туркам и надежду на то, что в тот или иной период он сможет сбросить их иго. В сущности, именно на клефтов в первую очередь обращали внимание те, кто впер-

вые задумал восстание, считая их выносливые и неустрашимые отряды ядром будущих армий, выступающих за независимость.

Баллады, о которых мы только что упоминали, редко бывают длинными, часто состоят всего из нескольких строк, и в этом отношении сильно отличаются

Они имеют очень простую структуру, нерифмованную, регулируемую ударением, а не количеством, и состоят из строк в пятнадцать слогов.¹⁰ Представление о них даст следующий короткий пример:

Что с того, что все перевалы охраняются албанцами?

Пока Стергиос жив, он не станет обращать внимания ни на них, ни на их пашей.

Пока на холмах лежит снег, мы никогда не уступим туркам.

Пойдемте, займем свои места высоко, где волки в пещерах укрываются.

¹⁰ Это относится только к тем, которые собрал М. Фауриэль; ибо, как и у горских бардов, излияния певцов Эллинио часто, как кажется, имеют значительный объем. «В день прибытия Гипсилантиса, – рассказывает М. Райбо (I. 496), – он пригласил на ужин греческих капитанов и всех иностранных офицеров. Едва каждый занял свое место, как в комнату внесли и усадили в углу кузню ужасного уродства. Мы смотрели и вскоре услышали, как из груди этого современного Тиртея раздался полный и звучный голос, воспевавший имена и подвиги тех, кто придал блеск началу нынешней войны. Мне жаль, что я не мог судить о достоинствах поэзии; но я могу, по крайней мере, засвидетельствовать ее обилие и силу легких этого безногого барда, ибо его песни не прекращались до самого позднего часа».

Пусть рабы с турками поселятся на этих равнинах, поселятся в этих городах и поселках;

Города смелых палицров – это поляны и одинокие горы.

Лучше со зверями жить, чем с турецкими тиранами.¹¹

¹¹ Κ ἄν τὰ δερβένια τούρκεψαν, τὰ πῆραν Ἀρβανίτες, Ὁ Στέργιος εἶναι ξωντανός, πασάδες δὲν ψηφάει. Ὅσον χιονίζουν τὰ βουνά, Τούρκους μὴ προσκυνοῦμεν.

Глава II

Осада Триполицы продолжается – Взаимодействие греков и турок – Собрание в Саракове – Отъезд Маврокордато-са и Кантакузена – Ухудшение положения осажденных – Движение между греками и албанцами – Отъезд Гипсилантиса – Битва при Фонтане – Конференция между греческими вождями и осажденными – Переговоры с албанцами – Прибытие Бубулины – Движение греческих вождей в протекции.

Таким, как мы описали его в предыдущей главе, было состояние Греции под турецким игом примерно в середине восемнадцатого века. Независимость закрепилась в различных горных хребтах, жители равнин были измучены угнетением, но продвигались в знаниях, Османская империя с каждым днем становилась все более слабой, и все здравомыслящие люди понимали, что она близка к своему падению.

Самым грозным врагом Османской империи, несомненно, является Россия, перед мощью которой она рано или поздно должна была уступить; и идея российского кабинета воспользоваться угнетенным положением греков и их религиозной общностью настолько очевидна, что ее замысел обычно, хотя и без особых оснований, приписывают Петру Великому. Этот монарх, однако, не предпринимал никаких шагов для возбуждения недовольства среди греческих под-

данных Порты; но в царствование императрицы Елизаветы Петровны среди гор Тайгетума появился русский эмиссар, чтобы выяснить силы и настроения населяющих их маниотов и заложить перспективу помощи России, когда представится благоприятный случай.

Когда Екатерина II, великая талантом и великая преступностью, села на трон убитого мужа, ее фавориту и любовнику Алексею Орлову, фессалийцу по имени Папас-оглоу или Папа-допуло¹², который был артиллерийским офицером на русской службе, было сделано предложение поднять Грецию на восстание. Честолюбивый Орлов с готовностью ухватился за этот проект, мечтая о славе и известности для себя и царстве в Греции для своей царственной любовницы. Два русских корабля, груженные продуктами севера, в 1766 году были отправлены кружным путем в Ливорно, а деньги, за которые был продан их груз, поступили в распоряжение Папаса-оглоу, который, завязав отношения со всеми греками, рассеянными по городам Адриатики, отправился в Морею.

Папас-оглоу направил свои шаги в район Мани, древний Тайгетум, где благодаря силе страны род людей, ложно хваставшихся потомками древних спартанцев, сохранял свою независимость и занимался разбоем на море и на суше. Папас-оглоу говорил с ними об освобождении Греции; но у ма-

¹² То есть сын священника; первый – по-турецки, второй – по-гречески. Это рождение пользуется большим уважением в Греции.

ниотов уже была вся свобода, которой они желали, и они не были настолько рыцарственны, чтобы рисковать своей независимостью в попытке передать благословение. Два их вождя, из рода Мавромихали, обсудили его проект с большим здравым смыслом и рассудительностью и предостерегли его от того, чтобы сбить себя с пути кажущейся готовностью других греков, которые, он мог на это рассчитывать, разбегутся при одном только виде тюрбана. Все, чего он смог добиться, – это обещания, что маниоты присоединятся к русским, если те дадут им точное представление о своих планах и силах, предназначенных для их осуществления, и пришлют депутатов, должным образом аккредитованных при них.

Эти благоразумные меры предосторожности манийских вождей были не по нраву сангвинику Папасу-оглоу, и, покинув Мани, он направился в Каламату, важный город, расположенный примерно в миле от моря, в верховьях Мессенского залива. Здесь, в лице богатого грека по имени Бенахи, он нашел человека, гораздо более подходящего для его целей, чем грубые вожди Мани. Богатство Бенахи обеспечило ему большое уважение в глазах турок, а также его собственных соотечественников, и он пользовался благосклонностью каждого последующего паши Мореи; но следует заметить, что, вероятно, из-за тщеславия и честолюбия, которые составляют столь заметную часть национального характера, обладание богатством и влиянием делало греков в целом только более горячими в их желании обрести независи-

мость. Бенахи, первый из своих соотечественников по богатству и власти в Морее, легко вообразил, что с помощью русской императрицы и под ее покровительством он может стать князем полуострова. Увлеченные своим энтузиазмом, они с Папасом-оглоу взаимно обманывали друг друга; один преувеличивал численность, силу, средства, патриотизм греков; другой обещал все со стороны России. Некоторые прелаты, примасы и несколько вождей маниотов, родственников Бенахи, тайно встретились в Каламате и заключили соглашение о сборе 100 000 человек, когда придут русские.

Папас-оглоу поспешил в Венецию, куда в конце 1768 года прибыли Алексей Орлов и его брат Теодор. Эмиссары были разосланы во все стороны, и Венеция стала центром интриг против Османской империи. Однако осторожный сенат вскоре предупредил двух русских, чтобы они покинули этот город и выбрали другое место жительства. Они поселились в разных городах Италии, продолжая посылать эмиссаров для поддержания надежд маниотов, а Алексей принял титул посланника Бога и царицы для освобождения Греции. Он отправил медали этой принцессы и подарки от ее имени примасам, как свидетельство ее уважения к ним и их стране.

Русское министерство с самого начала было против проекта возвышения греков; оно считало, что довести его до счастливого конца не в силах России, а его неудача, по их мнению, только отдалит расположение греков. Влияние фаворита, однако, возобладало над их уговорами, и в сентяб-

ре 1769 года эскадра из семи линейных кораблей, четырех фрегатов и транспортов с 1200 человек на борту отплыла из портов Балтики. Поскольку эти суда были старыми и плохо построенными, несколько из них были потеряны по пути в Англию, где флот встал на ремонт. Вторая эскадра, состоящая из четырех линейных кораблей, двух фрегатов и двух военных шлюпов, под командованием шотландского адмирала Элфинстоуна, в то же время готовилась к выходу в море со всей оперативностью.

Говорят, что истинной причиной поспешности экспедиции в Морею было состояние русской армии, которая была вытеснена из Молдавии в Польшу, а затем была фактически осаждена в своем лагере на Днестре шестьюдесятью тысячами турок. Считалось, что диверсия на стороне Греции может принести большую пользу, отвлекая внимание Порты.

В начале 1770 года русский адмирал Спиридов прибыл в Средиземное море с частью первой эскадры. К нему присоединился Теодор Орлов, который, покинув Порт-Маон в начале февраля, направился прямо в Морею, рассчитывая, как ему внушали, что вся Греция поднимется при виде русского флага. Бросив якорь в Порто-Витило, древнем Этилиусе, на восточном берегу залива Корон, он столкнулся с двумя Мавромихалами из Мани, которые пришли посоветоваться с ним. Они потребовали, прежде чем заключить какое-либо соглашение, некоторые положительные условия; в особенности они хотели видеть какой-либо документ, написанный ру-

кой императрицы. Представив Орлову договор, по которому они обязывались поддержать усилия русских войск, они объявили его подделкой Папаса-оглоу. После долгих препирательств они согласились оказать помощь, зная, что их люди, по всей вероятности, получают много грабежа во время поединка, и рассчитывая на силу своих гор, чтобы обезопасить их от мести турок.

Болезнь произвела такие опустошения среди русских, что, оставив свои корабли почти без экипажей, Орлов смог высадить на берег лишь от пяти до шестисот человек, и с этими небольшими силами он варварски предложил подстрекать греков Пелопоннеса к восстанию против своих хозяев! Около двух недель ушло на постройку нескольких галиотов, которые были отправлены к Ионическим островам, чтобы забрать всех, кто мог бы принять участие в этом предприятии. Греки, видя, что прибыла лишь горстка людей, были удручены и не желали присоединяться к ним; Но Орлов, набравшись смелости и заявив, что то, что он привез, – лишь авангард экспедиции, которой командовал его брат и которая состояла из шестидесяти судов, и при поддержке епископа Монтинеро, который ходил с крестом в руке, предлагая по две блестящие за голову каждого убитого турка, и благодаря влиянию Бенахи, сумел собрать несколько сотен человек. Они были сформированы в два отряда, которым Орлов дал пышные названия Восточного и Западного легионов Спарты; первый должен был продвигаться по долине Евротаса и,

соединившись с маниотами, проникнуть на восточную сторону Мореи; другой должен был направиться на запад и увеличить свои силы на этой стороне. Отправив их вперед, сам Орлов с четырьмя сотнями русских и собранными им черногорцами и славонцами, соединившись с отрядом маниотов, приступил к осаде Корона.

Восточный легион продвигался вперед, истребляя и сжигая всех, кого встречал, ибо ужас перед русским именем заставлял турок бежать перед ними, пока они не добрались до Мистры, которую взяли штурмом. Маниоты отличались своей свирепостью, и даже турки, нашедшие убежище в христианской церкви, с трудом спасались от их ярости. Турки в целом бежали в Триполицу, большой город в долине, где раньше стояли Тегея и Мантиней; а паша Мореи, проживавший в Анапли, или Наполи-ди-Романия, на берегу Аргосского залива, послал ободрить их к энергичному сопротивлению в случае нападения, заверив, что албанская армия и флот капитана-паши скоро прибудут для защиты Мореи.

Порта заблаговременно получила от французского посла сведения о замыслах России, но, со свойственной ей гордостью и глупостью, отказалась верить этим сведениям. Когда османским министрам сообщили, что русский флот действительно прошел через Зунд, они спросили, что это за Зунд, и, получив ответ, разразились хохотом над глупостью и легковерием франков. Однако когда они слышали, что русские находятся в Морее, они удивились мастерству французско-

го посла в астрологии; и сначала они были за то, чтобы приступить к всеобщей резне греков в качестве меры предосторожности. Однако они довольствовались тем, что готовились противостоять захватчику.

Получив ложное сообщение о падении Корона, жители Месолонги в Этолии подняли штандарт восстания; то же самое сделал Патрас в Ахейе. Все части Греции и островов были готовы подняться при появлении русских, с оружием и боеприпасами. Жители Ионических островов толпами высаживались на берег и приплывали в Морею, чтобы принять участие в крестовом походе против неверных.

Тем временем осада Корона продолжалась медленно из-за отсутствия артиллерии, и между греками и их союзниками возникли серьезные разногласия. Однажды, когда Мавромихали, маниот, выразил свое мнение со смелостью и энергией свободного человека, Орлов расценил его поведение как неподчинение. Разгневанный, горный вождь сказал ему: «Ты забываешь, что я не являюсь подданным женщины, которая тобой командует, и что если бы ты имел под своим началом все войска своей госпожи, ты все равно был бы только рабом; тогда как я, вождь свободного народа, даже если бы судьба сделала меня самым ничтожным среди них, моя голова была бы ценнее твоей». Каждый положил руку на пистолет – один с презрением, другой со страхом.

Прибытие шестидесятипушечного корабля, бомбарды и двух транспортов с частью войск на борту позволило рус-

ским предпринять нечто более важное. Было решено отказаться от осады Корона и перейти к осаде Наварино, расположенного на западном побережье Мореи. Греческие жители Корона и его окрестностей, опасаясь мести турок, толпились на берегу со своими семьями и имуществом, с криками и слезами ища убежища на кораблях; а турки, оставив цитадель, поспешили довершить разрушение города, который уже был частично разрушен.

По приказу Алексея Орлова Псарос, который вел восточный легион к Мистре, двинулся на Триполицу, в которой архиепископ и примасы уже давно вступили в заговор. Сам Алексей тем временем засел перед Модоном, древним Метонем, городом неподалеку от Наварино, а офицер по имени Долгорукий выдвинулся вперед и овладел этим последним местом. Осада продолжалась энергично, и город был уже на грани сдачи, когда стало известно о прибытии турецкого флота к берегам Пелопоннеса, а заодно и о том, что албанцы готовы ворваться на полуостров.

Албанцы, спустившись с гор в количестве 15 000 человек, разделили свои силы: конница и часть пехоты направились к перешейку, а остальная часть пехоты вошла в Этолию. Жители Месолонги нашли убежище на острове Анатолико, где были истреблены, несмотря на предоставленную им капитуляцию. Перейдя Морею, албанцы напали на Патры в ночь на Страстную пятницу, когда большая часть жителей находилась в церквях. Многие из них были перебиты, другие, осо-

бенно ионийцы, находившиеся там, сели в лодки, чтобы спастись, но встретили на море других албанцев, от оружия которых они погибли. Остальные жители бежали в горы, куда их тщетно пытались заманить обещанием амнистии. Албанская конница ворвалась в Морею; тысяча из них бросилась в Триполицу, на виду у осаждавших; турки и албанцы, выйдя вперед, разогнали греков, а русских изрубили на куски; три тысячи христиан, находившихся в городе, были истреблены, а архиепископ и несколько священников повешены. Под стенами был разбит лагерь из шести тысяч мусульман, готовых отправиться в Мистру, Модон или Наварино, как только прибудет флот для совместных действий.

Узнав, что османский флот находится у берегов Мани, турки и албанцы двинулись к Корону через дефиле Ниси, которое защищали четыреста маниотов под командованием Иоанна Мавромихали. Хотя этот вождь оставил русских в недовольстве, он был достаточно великодушен, чтобы послать заверить их, что будет удерживать перевал, пока они не придут к нему на помощь, если они так настроены, или не сбегут, если они отчаялись в успехе. Он сдержал свое слово, и почти все тело маниотов пало, храбро сражаясь.

Турки теперь распространились по Мессении, и несчастные жители искали убежища под стенами Наварино, которое было занято русскими. Турки обрушились на русский лагерь перед Модоном, ворвались в него, перебили часть защитников, а остальных оттеснили в Наварино. Их пушки стали

призом победителей.

Орлов, находившийся в крепости Наварино, с подлой заботой только о своей безопасности затворил ворота против толп несчастных мужчин, женщин и детей, которых его дикий замысел подверг гибели. Напрасно они с жалобными воплями стояли у подножия крепостных валов, умоляя его дать им убежище от безжалостных мусульман. Он был глух к мольбам. Враг был уже на виду; толпа людей побежала к берегу, чтобы сесть в лежавшие там лодки. Некоторые лодки затонули, перегруженные беглецами, несколько тысяч из которых добрались до необитаемого острова Сфактерия, расположенного напротив гавани, где остались без пищи, воды и крова. Русские тем временем сели на свои корабли и скрылись. Бенахи, сожалея о своей глупости, был вынужден сопровождать их бегство. Несчастные греки в Сфактерии были истреблены турками.

После изгнания русских визирь Мореи стремился избавиться и от албанцев, а греческое население вернуть к прежним занятиям. Но албанцы не были склонны с готовностью покидать страну, которая сулила им столько грабежей. Они решили, что все это достанется им самим, и выставили на перешейке стражу, чтобы никто из их соотечественников не пришел разделить с ними грабеж. В ответ на приказ визиря они шумно потребовали причитающееся им жалованье. Поскольку удовлетворить их было не в его силах, они разделились на отряды, которые разошлись по стране во всех на-

правлениях, истребляя и грабя греков и турок в равной степени. Получив в свои руки значительную часть денег Мореи, они придумали способ перетянуть остаток к себе, ссужая несчастных греков по два пиастра в месяц; затем, добавляя проценты к основной сумме¹³, подобно кредиторам Древнего Рима, они полностью отдавали должника в свою власть и таким образом делали себя полными хозяевами страны. Что касается визиря, то они даже имели наглость держать его почти в осаде в Наполи-ди-Романия.

Албанцы владели Мореей в течение девяти лет, несмотря на неоднократные посылки фирманных войск с приказом вернуться в свою страну, когда Порта, заключив мир с Россией, приказала прославленному Хасан-паше очистить от них Морею. Хасан собрал свои войска в Аргосе и 10 июня отправился в Триполицу, перед стенами которой расположились албанцы в количестве 11 000 человек. Продвигаясь ночью, он с рассветом появился на равнине, где стоит этот город. Без промедления он атаковал мятежников; бой продолжался большую часть дня и закончился полным разгромом албанцев, а вечером Хасан воздвиг перед восточными воротами Триполицы пирамиду из более чем 4000 голов.

Беглецов преследовали и убивали, и в лесистом ущелье гор, названном впоследствии Дефиле Резни, большая часть их была убита. Из оставшихся в живых некоторые присоединились к родственным племенам Лалла и Бардуния, другие

¹³ В одном пиастре содержится сорок пиастров.

поступили на службу к паше, лишь немногие вернулись в Албанию.

Маниотам не удалось так легко спастись, как они рассчитывали. До восстания они облагались номинальной данью в пятнадцать кошелев, которую никогда не платили; но теперь Хасан-паша послал Хасан-бея с войском в Мани, чтобы привести его к покорности. Этот деятельный вождь взял множество крепостей маниотов и заставил нескольких их вождей сдаться. На округ была наложена ежегодная дань в размере тридцати кошелев Порте и пяти – капитану-паше, которая в дальнейшем неукоснительно взималась. Маниоты были вынуждены подчиниться тому, чтобы ими управлял выбранный ими самими бей, при условии одобрения Портой. Хасан-бей был назначен губернатором Монемвасии, сильного места на восточном побережье Мани, чтобы пресечь их пиратство.¹⁴ Прежде чем мы покинем Морею, расскажем о приключениях капитана Андруцоса из Ливадии.¹⁵

Весть о высадке русских быстро распространилась по Греции, и, не зная об их малочисленности, многие клефтийские вожди севера поспешили со своими палицами к месту действия. Самым выдающимся из них был Андроотос из Ливадии, который во главе около 300 храбрых палиц перешел Коринфский перешеек и взял курс на Мессению. Но вскоре, к

¹⁴ «Путешествия Лика по Морее».

¹⁵ Фауриэль.

своему огорчению, он узнал, что дело, которое он пришел поддержать, проиграно. Турки и албанцы рассеялись по всей стране, грабя и истребляя несчастных крестьян, и он увидел, что сомнительно, чтобы ему удалось вернуть Ливадию.

Не растерявшись, Андруцос ободрил своих людей и пожелал им положиться на него; отправившись в Триполицу, он предстал перед пашой и потребовал безопасного пути для себя и своих людей. Это было немедленно предоставлено, но были приняты меры, чтобы сделать это бесполезным; когда он вступил на перешеек, он обнаружил большое количество конных и пеших войск, ожидавших его на сильной позиции. Они тут же бросились на него. Андруцос притворился беглецом, пока не занял выгодную позицию, а затем, повернувшись, обрушился на своих преследователей с такой яростью, что обратил их в стремительное бегство. Когда перешеек оказался закрыт от него, он повернул на запад и двинулся вдоль Лепантийского залива с намерением взять на абордаж все ионийские суда, которые он сможет найти в Патрах или любом другом порту. Турки упорно преследовали его, и ни днем, ни ночью бой не прекращался. После десяти дней усталости и опасностей измученные паликеры на десятый день прибыли в окрестности Востицы, морского порта, расположенного в нескольких милях к востоку от Патр. Здесь три дня и ночи подряд их атаковали турки. На четвертое утро Андруцос призвал своих отчаявшихся людей выступить в роли нападающих. Они обрушились на мусул-

ман, прежде чем те их заметили; бой был долгим и упорным. В конце концов враги бежали, оставив большое количество убитых и большую часть провизии и багажа. Андрусос потерял около четверти своего небольшого войска. Из всей добычи победители не взяли ничего, кроме еды: они три дня не ели, и многие пали от голода во время битвы. Не теряя времени, они направились в Востицу, где нашли корабли Корфу и Занте, на которые и сели; высадившись в Превесе, они оставались там до тех пор, пока статья об амнистии греков, включенная в Карнарджийский договор 1774 года, не позволила им вернуться в Ливадию.

Подлая жестокость и эгоизм, проявленные российским кабинетом, когда он таким образом заманил несчастных греков в мятеж, а затем оставил их под угрозой мести Порты, не ослабили их привязанности к этой державе и не уменьшили веру, основанную на существующих пророчествах, что их избавление в конечном итоге должно прийти с севера. Однако они получили урок благоразумия и, стремясь сбросить гнетущее иго варваров, в течение долгих лет воздерживались от любых мятежных движений. Тем временем предпринимались усилия, чтобы подготовить греческий ум к восприятию и обретению независимости. Были открыты школы, в которых преподавалась древняя литература Эллады и часть современной европейской; делались переводы на ромейский или современный греческий язык различных произведений; многие патриотически настроенные греки стремились свои-

ми сочинениями возродить в людях стремление к свободе и независимости.

Самым знаменитым из них был Ригас. Он родился в 1753 году в Велестини, небольшом городке в Фессалии. Получив настолько хорошее образование, насколько могла позволить его страна, он посвятил себя коммерции и поселился в Бухаресте, столице Валахии. Здесь он нашел достаточно свободного времени от дел, чтобы продолжить свои занятия, и познакомился с языками и литературой Франции, Италии и Германии. Его любимым занятием была древняя литература его родной страны; и когда его воображение согревалось при виде свободной и независимой Эллады, он обдумывал планы по возвращению ее в это счастливое состояние. Утверждают, что он имел влияние и адрес, чтобы организовать тайное общество, образец и предтечу будущей Хетайрии, с целью освобождения Греции; и что его членами были главные прелаты, купцы, примасы, капитаны и другие представители греческой нации, а также некоторые выдающиеся иностранцы и даже некоторые известные турки, такие как Пасванд-оглу, несговорчивый паша Видина.

После этого Ригас покинул Бухарест и поселился в Вене, где начал издавать греческий журнал, перевел на цыганский язык путешествия Анахарсиса и другие произведения, а также написал несколько оригинальных. Именно в этот период современный Тиртеус сочинил те захватывающие дух гимны, которые с тех пор пробуждают греческую молодежь

к подвигам.

Ригас обладал всем тщеславием и безрассудством своей страны; он открыто говорил о своих проектах. Турецкое правительство получило информацию и встревожилось. Было подано прошение в Венский кабинет; Ригас и четверо других были схвачены, переданы Порте и обезглавлены в Белграде в мае 1798 года.¹⁶

¹⁶ См. заметку о жизни и сочинениях Ригаса, написанную Николопуло, в конце книги Райбо «Мемуары о Греции».

Глава III

Рождение Али Тебелинли – его ранняя жизнь – женитьба на дочери Капелан-паши – заговоры против отца – убийство свояка, а также Селим-паши – превращение в пашу Ларисы и Яннины.

После неудачного завершения восстания 1770 года политические интересы Греции в течение нескольких лет были связаны с личностью человека, чьи амбиции и преступления приобрели неизгладимую известность; его история слишком тесно переплетена с благородной борьбой греков, которую мы взялись описать, чтобы допустить ее замалчивание.¹⁷

Али Тебелинли (то есть уроженец Тебелина) родился около 1740 года в Тебелине, в Эпире. Его отец, Вели, будучи изгнан из отцовского рода, в маленьком городке Тебелин, двумя старшими братьями, был вынужден стать разбойником, чтобы прокормиться. Обогатившись на этом ремесле и обзаведясь крепким отрядом последователей, он неожиданно приехал в родной город, напал на братьев и сжег их в родовом особняке. Овладев всем состоянием семьи, он стал главным агой Тебелина. Хотя у него уже был сын от рабыни, которая впоследствии родила ему еще одного сына и дочь, он

¹⁷ М. де Пукевиль – проводник, которого мы придерживаемся в нашем рассказе об Али-паше, поскольку его долгое пребывание в качестве французского консула в Жаннине дало ему превосходные возможности для знакомства с его историей.

стремился вступить в союз с какой-нибудь знатной семьей в стране и добился руки Хамко, дочери бека Конитца, родственника Хурда, паши Берата. От нее у него были сын Али и дочь Хайница.

Вели умер от избытка сил в возрасте 45 лет, его вдова Хамко решила поддержать права своего сына: она отравила, как утверждали, его старшего брата и собрала вокруг себя столько сторонников мужа, сколько смогла. Число ее приверженцев стало столь велико, а ее скрытые проекты столь дерзки, что жители соседних районов Кормово и Гардики, опасаясь за свою независимость, решили встать на защиту от нее, и разразилась одна из тех маленьких войн, которые так распространены среди беспокойных племен Албании, в ходе которой Хамко и ее дети были взяты в плен и заключены в Гардики. Однако их удалось выкупить с помощью грека Аргирокастро за 22 800 пиастров (около 3000 фунтов стерлингов), и, когда положение Хамко несколько ухудшилось, она больше не вмешивалась в государственные дела, а посвятила свое время тому, чтобы дать сыну такое образование, которое подготовило бы его к совершению всех преступлений, ведущих к величию на Востоке.

Али рано начал применять уроки матери на практике, и еще до 14 лет он приобрел некоторую известность, угоняя овец и коз своих соседей. На заработанные таким образом деньги и сбережения матери он собрал вокруг себя компанию праздных, вороватых бродяг и вскоре почувствовал се-

бя достаточно сильным, чтобы попытаться осуществить планы Кхамко по отмщению жителям Гардики и Кормово, которые сделали ее пленницей. Однако покушение на последних не увенчалось успехом, и он бежал обратно в Тебелин так быстро, как только могли нести его ноги. Мать приняла его с сарказмом и презрением. Обиженный ее упреками, Али покинул Тебелин во главе тридцати палиц и поступил на службу к паше Негропонта; но вскоре ему надоела праздная жизнь, которую он вел там, он перебрался в Фессалию и стал разбойником с большой дороги. Заработав таким образом немного денег, он поднялся на гору Пинд, где разграбил несколько деревень; затем он вернулся в Тебелин, где его богатство сразу же обеспечило ему внимание.

Успокоившись, Али вскоре возобновил свои прежние действия и довел свои грабежи до такого предела, что привлек к себе внимание Хурда-паши, правителя Средней и Нижней Албании. В погоню за ним были отправлены войска, а сам он и его товарищи были схвачены и брошены в тюрьму в Берате, столице Средней Албании. Остальные были немедленно повешены как разбойники; старый визирь сжалился над молодостью и красотой Али, который, к тому же, был его родственником; он отдал ему свою жизнь и несколько лет держал его при себе, надеясь отучить от дурных занятий; наконец, уступив неоднократным просьбам Хамко, он отпустил его на свободу, заверив мать и сына, что им не стоит ждать пощады, если они будут упорствовать в нарушении

общественного спокойствия. Они обещали молчать, и пока Хурда был жив, они держали свое слово.

Эпир, или Нижняя Албания, в то время был разделен на три пашалыка – Дельвино, Яннина и Парамифия; округа Химара, Гардики, Зоолати, Аргирокастро и Сооли были свободны и автономны, но признавали главенство пашей; верховную власть над всем этим осуществлял везир Хурда. Между жителями разных округов царили зависть и вражда, постоянно вспыхивали мелкие войны, но инстинктивно поддерживалось некое равновесие сил, и когда какому-либо округу угрожал более могущественный сосед, некоторые из других спешили встать на его защиту.

Теперь Али искал себе занятие в качестве партизана в чужих распрях, и вскоре он занял видное положение среди эпирских беев. В то время ему было около 24 лет, и он хотел укрепить себя каким-нибудь брачным союзом; он искал и добился руки Эминэ, добродетельной и любезной дочери Капелана, свирепого и буйного паши Дельвино, жившего в Аргирокастро. Капелан был одним из тех пашей, которые вынашивали химерическую идею стать независимыми, и он рассчитывал иметь в лице своего зятя умелого союзника и оружие.

Именно в это время авантюрист Стефано Пикколо (Маленький Стефан), выдававший себя за Петра III, убитого мужа Екатерины, подстрекал черногорцев к оружию против Порты, а агенты, направленные через Эпир, побуждали со-

лиотов и химэриотов присоединиться к тому же делу. Хитрая Екатерина, слишком хорошо понимавшая лживость притязаний Стефано, отказалась участвовать в действиях черноморцев, которые уже несколько лет были подданными России, и оставила Порте задачу карать их, как и своих мятежных подданных. Поэтому был отдан приказ всем вассалам султана оказать помощь в умирении мятежников.

Капелан, вместо того чтобы поспешить под знамена везира Хурда, по совету своего зятя остался в стороне и втайне препятствовал планам и мерам везира, а неполный успех, достигнутый в борьбе с мятежниками, приписали его нелояльности. В связи с этим его вызвали к румели-валеси (губернатору Румелии) в Монастир, чтобы он дал отчет о своем поведении. Али сделал все, что было в его силах, и заставил свою жену Эминэ присоединиться к ее мольбам, чтобы побудить Капелана подчиниться вызову. Паша отправился в Монастир, был немедленно схвачен и обезглавлен. Али ожидал именно этого, поскольку он был тайным обвинителем своего тестя, чье место и богатство он надеялся получить; но, к его великому огорчению, пашалык был отдан Али, бею Аргирокастро, человеку, заслужившему доверие, который верно передал богатства Капелана Порте.

Хотя Али был разочарован, он не унывал; новый паша был не женат, а его сестра, Хайница, как раз была пригодна для замужества; им предложили пожениться; паша с готовностью принял предложение и женился на сестре Али, кото-

рый тут же начал плести заговор против своего брата, как прежде против тестя. Его честолюбие, говорят, в это время осмелилось претендовать на единственную дочь везира Хурда, когда этот престарелый принц умер, отдав свою дочь в жены Ибрагиму, бею Авлона, который был назначен его преемником в везириате Средней Албании.

«Теперь я осознал необходимость прочно обосноваться в месте своего рождения» (это слова самого Али)¹⁸. Там у меня были партизаны, готовые служить мне, и грозные противники, которых необходимо было найти в недостатках, чтобы уничтожить их всех вместе; и я задумал следующий план для достижения своей цели.

«У меня был обычай после охоты ложиться послеобеденным сном в тени леса Бентша; и я заставил одного из моих верных последователей предложить моим врагам следить за мной там, напасть на меня и убить. Я сам изложил план всего дела, а затем, отправившись в назначенное место раньше своих противников, взял козу, связал ей ноги и, намотав на нее морду, положил ее под плащ. Затем я вернулся в свой дом окольными путями и переодетым. В это время мои враги устроили по козе общую пальбу из ружей, думая покончить со мной. Они не могли убедиться в этом, так как на звук стрельбы явились мои друзья, которые специально находились поблизости. Мои предполагаемые убийцы пришли в Тебелин, крича: «Вели-бея больше нет, мы избавлены от него».

¹⁸ Согласно М. де Пукевилю.

Весть об этом дошла до моего гарема. Я услышал плач матери и женщин, смешанный с криками моих врагов. Я не шевелился. Я позволил новости распространиться. Я дождался ночи, когда они были пьяны от вина и радости. Тогда я обманул свою мать и, поддерживаемый своими партизанами, обрушился на врагов. Ночь была на моей стороне. Все они были истреблены еще до появления солнца. Их богатства и дома я распределил между своими приближенными, и с этого момента я мог сказать, что Тебелин мой».

Али питал глубокую ненависть к своему шурину, паше; говорят, что он пытался уговорить Хаиницу отравить мужа. Однако ей хватило добродетели противостоять его уговорам, и он на время отказался от этой затеи. Вскоре он нашел более сговорчивого агента в лице Солимана, брата паши, которому пообещал руку Хаиницы и наследство ее мужа. Поскольку заговорщики имели постоянный доступ к паше, однажды они добились личной беседы; во время разговора Солиман выхватил пистолет и прострелил брату голову. Стало известно, что паша умер от апоплексии. Хайница была вынуждена выйти замуж за убийцу. Ее единственный сын вскоре последовал за отцом в могилу.

Амбиции Али еще не были удовлетворены. Санджак (штандарт) или пашалык из двух хвостов Дельвино был пожалован Портой Селим-бею, принадлежавшему к одной из главных семей страны, а резиденция правительства была основана в городе Дельвино. Али постарался завоевать рас-

положение нового пашы и стал постоянным обитателем его дворца. Теперь все его помыслы были направлены на уничтожение своего благодетеля, а прямой характер Селим-паши давал ему возможность погубить его вместе с Портой.

Дельвинский пашалык граничил с владениями венецианцев на материке, и это было постоянным источником ссор между ними и предыдущими пашами. Селим пошел по другому пути, чем его предшественники, и установил дружеские отношения с правительством Корфу. Через некоторое время он продал венецианцам лес у озера Пелодес, и Али воспользовался этим обстоятельством, чтобы насолить Порте, которая и без того была настроена к нему недоброжелательно из-за его благородных качеств. Он обвинил Селима в отчуждении части султанской территории и в намерении отдать всю провинцию Дельвино в руки неверных. Без всякого расследования Али был тайно передан приказ, предписывающий смерть Селим-паши.

Али, удалившийся в Тебелин, поспешил в Дельвино, где был принят Селимом со свойственной ему любезностью, и ему была отведена квартира во дворце. Каждое утро, согласно обычаю, он приходил к паше, чтобы повидаться с ним. В конце концов он притворился больным и попросил, чтобы паша навестил его в своих апартаментах. Убийцы были спрятаны в прессе. Паша пришел. По условленному сигналу (Али позволил своей чашке с кофе упасть на пол) убийцы бросились вперед, набросились на превосходного Селима и

зарубили его. На шум прибежала его охрана. Али предъявил фикх, и они склонились в покорности. Паше отрубили голову, чтобы отправить в сераль. Кади, беи и греческие примасы были собраны для составления протокола; на вещах убитого, которые теперь принадлежали султану, была поставлена печать.

Наградой предателю стали пашалык Лариссы (Фессалии) и должность Дервенджи-баши; по приказу Порты он взял на свое содержание корпус из 4000 решительных албанцев, чтобы сокрушить силу арматолов своей провинции.

Я оставил в Нижней Албании, – говорит Али-паша, как мы его теперь называем, – призрака паши, который был игрушкой беев Джаннины, и я избегал проезжать через этот город на пути к своему посту. Я прошел через Загори, где надежный Нуца¹⁹ – да будет душа его с Богом, ибо он был храбрым человеком – пополнил мой кошелек, не спросив разрешения Солимана, который был тогда санджак-беем Эпира. С помощью Бога и моих храбрых шептаров мы собрали небольшое пожертвование, которое помогло мне; ведь, прибыв в Триккалу, я не нашел ничего, кроме истощенной страны.

У них здесь была толпа бедных крестьян, чьи труды обогащают таких людей, как мы. Ларисские аги выдумали заговор, чтобы получить предлог для захвата их овец, жен и де-

¹⁹ Ноотза – грек с горы Пинд, с которым Али сблизился во время своего первого пребывания в Фессалии.

тей. Тех они съедали, этих продавали. Я сразу увидел, что никогда не было ни мятежников, ни грабителей, кроме ту-рок. Поэтому вскоре я оказался в состоянии вражды с беями Лариссы. Однако я начал с того, что набросился на отряды арматолов, которые кишели на равнинах; я быстро загнал их обратно в горы, где держал их, как бы в загоне, пока не нашел случая воспользоваться ими. В то же время я отправил в Константинополь несколько голов для развлечения султана и населения, а также деньги его министрам; ибо вода спит, а зависть не спит».

Несколько лет Али провел в Фессалии, где восстановил порядок во всей стране. Под видом неукоснительного соблюдения справедливости он собрал огромные сокровища, ведь меч правосудия всегда опускался на богатых беев и других людей, отличавшихся роскошью. Подарки, вовремя преподнесенные, снискали ему расположение и влияние в Порте. В конце концов он оказался в состоянии претендовать на пашалык Яннины.

Предварительно, однако, необходимо было погубить действительного пашу в сознании султана. С этой целью Али через Нуца сблизился с Палеопуло, греческим воеводой Итолии и главой арматолов этой провинции. В 1786 году они встретились в Триккале, где договорились о плане, согласно которому Али должен был стать пашой Яннины. Во исполнение этого плана Палеопуло и капитаны фессалийских клефтов, Канавоса и Буковалласа, начали совершать вторжения

на территорию паши Яннины. Эпир и Акарнания стали ареной запустения и грабежа, в то время как Фессалия процветала под управлением Али-паши. Жалобы жителей провинции дошли до Порты, и турецкое правительство, действуя, как обычно, без спроса, сочло, что самым мудрым решением будет передать разоренную провинцию под титулом арпалык (провинция, которую нужно завоевать) способному фессалийскому паше.

После смерти Хурда-паши беи Джаннины пользовались анархической независимостью, распоряжаясь всем по своему усмотрению и держа слабых и неумелых пашей, приезжавших управлять ими, в плену в Озерном замке. Али-паша уже давно имел среди них свою фракцию, но из-за внушавшего страх его характера она не была сильной, и когда пришло известие о его назначении в правительство, почти единогласно было решено не принимать его. Али, не чувствуя в себе достаточно сил, чтобы покорить их силой, довольствовался тем, что грабил их фермы и деревни. Те, кто страдал от этих действий, стремились уладить дела между ним и беями; и, чтобы пощадить гордость последних, было решено тайно ввести его в город. В сопровождении Нуца и нескольких своих друзей он ночью вошел в Джаннину и, отправившись в трибунал кади, потребовал, чтобы его фирман о вступлении в должность был зарегистрирован и опубликован. Выполнив этот законный акт, он был провозглашен пашой двух хвостов Джаннины; таким образом, он объединил в своем лице три

важных поста. Это событие произошло в 1788 году.

Первой целью Али было сломить власть джаннинских беев; для этого он прибегал ко всем средствам, чтобы лишить их имущества, будучи уверенным, что, будучи бедными, они не смогут составить против него партию в диване. В то же время он осыпал шептаров ласками и, что до сих пор было неизвестно, ввел в свой совет греков, зная, какие преимущества он может извлечь из их талантов.

Почувствовав себя достаточно сильным, он решил отомстить кормовцам за оскорбления, нанесенные его матери и ему самому; ведь свирепый Хамко, умирая, поручил ему никогда не успокаиваться, пока он не отомстит им и жителям Гардики; а Али, хотя и был самым беспечным из людей в случае выгоды, никогда не забывал обид и оскорблений. Он собрал отряд, командование которым передал Демир Досту, бывшему каймаканом (знаменосцем) Дельвино, и направил его против Кормово. Сыновья Али, Мухтар и Вели, а также их двоюродный брат, Исмаил Пашо, совершили свой первый поход в составе этой экспедиции. Под видом перемирия жителей Кормово усыпили бдительностью, а затем ночью обрушились на них и устроили резню. Следствием этого поступка стало присоединение территории к Али.

Поскольку эта территория принадлежала пашалыку Берата, или Средней Албании, Ибрагим-паша был разгневан этим посягательством; после бесплодных переговоров он послал войска под командованием своего брата Сефира, бека

Авлонь. Против них Али вызвал фессалийских арматолов, и после того как с обеих сторон были сожжены деревни, ограблены и повешены крестьяне и угнаны стада, был заключен мир. Ибрагим отдал свою дочь в жены Мухтару, старшему сыну Али, а в качестве приданого – спорную территорию. Поскольку Сефир-бей проявил качества, которые в будущем могли оказаться грозными, Али подговорил лекаря отравить его и, по своему обыкновению, повесил исполнителя преступления, чтобы не осталось ни одного свидетеля.

Таковы были основные события в жизни Али-паши до того момента, когда он попытался покорить соолитов, о храбром и выносливом племени которых мы сейчас и расскажем.

Глава IV

Происхождение Сооли – нравы соолитов – их первая война с Али-пашой – вторая война – третья война – монах Самуил – сдача Сооли – предательство Али-паши.

Во второй половине XVII века некоторые пастухи из Гардики в Эпире, спасаясь от жестокого обращения турок, ушли со своими семьями и стадами в район Хаймоори (Химера), который выходит к острову и каналу Корфу, и поселились на одной из его самых изрезанных гор. Вскоре к ним присоединились другие жертвы тирании, как греки, так и албанцы-христиане, и в количестве 100 человек они образовали деревню, которую называли Сооли, так как она находилась в древнем Селлеисе. Постепенно они распространили свою власть на все окрестности, и в конце прошлого века Сооли стал столицей маленькой республики.²⁰

Остальные семь деревень, называемые Гептахорион, были колониями первых и располагались на плодородной равнине у подножия горы. Население этих одиннадцати деревень составляло около 5000 душ. Парасолиоты, чьи деревни располагались на равнине вокруг горы, в радиусе от 12 до 15 миль, составляли около 7000 человек. Жителями этой республики были Сулиоты и Пара-Сулиоты; первые, потомки оригиналь-

²⁰ О сулиотах см. Fauriel, vol. i, p. 225, et seq.

ных основателей государства, составляли правящую партию. Они жили в одиннадцати деревнях, из которых четыре самые старые, Сули, Аварикос, Самонива и Киафа, назывались Тетрахорионом. Пара-Сулиоты населяли шестьдесят деревень, завоеванных у соседних аг. Эти люди были подданными; и хотя Сулиоты были столь же строгими хозяевами, как когда-либо турки, тем не менее, поскольку они были христианами, их иго переносилось без жалоб. Сулиоты, когда их власть заставила Порту признать их независимым народом, все же продолжали платить подушный налог как рая за себя и своих подданных, с которых они собирали необходимые суммы; они также обязывали пашу и соседних аг платить им дань, чтобы спасти свои земли от разорения. Деревни Тетрахориона были построены на обрывах горы, и единственный подход к ним проходил через извивающийся ущелье длиной три мили – лабиринт деревьев, скал и отвесных утесов. На определенных участках, в самых труднопроходимых местах ущелья, были возведены башни для защиты. У подножия первой башни, в конце первой мили, располагалась деревня Киафа; а еще на две мили дальше, на крутых утесах, окружающих круговую долину, были построены остальные три деревни.

Население этих одиннадцати деревень составляло около 5000 душ. Парасолиоты, чьи деревни находились на равнине вокруг горы на расстоянии от 12 до 15 миль, насчитывали около 7000 человек. 5000 Сулиотов образовывали око-

ло 800 семей, которые были объединены в 47 фар, или племен. Каждая фар была составлена из семей, происходящих от общего предка или состоящих в родстве; и каждую фар управлял глава самой старой и уважаемой семьи в ней. Все частные споры разрешались главами семей или фар, к которым принадлежали спорщики; а все общественные дела обсуждались и решались советом из 47 глав фар. Мир и война были почти единственными государственными делами; и в последнем случае каждое действие заранее регулировалось. При приближении врага Сулиоты равнины должны были покинуть свои дома и имущество; старики, женщины и дети должны были уйти на гору; мужчины занимали позиции у входов в ущелья, а остальные Сулиоты спускались с горы, чтобы помочь им. Пара-сулиоты были брошены на произвол судьбы.

Их единственным оружием были мушкеты и мечи. Каждый человек занимал позицию, где он мог действовать с наибольшей выгодой и наименьшей опасностью. Никто не должен был бежать или проявлять страх перед врагом. Их девизом было выставять лишь небольшое количество своих людей против большой группы врагов, но атаковать небольшую партию всеми силами; поэтому они отправляли всего 150 или 200 человек против 5000 или 6000, в то время как нападали на 500 или 1000 с численным превосходством. Ведь в первом случае все, на что они могли надеяться, это отразить врага; во втором же была перспектива уничтожить

весь корпус или захватить множество пленников, которых можно было бы продать или потребовать выкуп.

Поскольку 1500 бойцов было максимумом, который могли собрать сулиоты, жизни их людей были для них чрезвычайно ценны; и принимались все меры предосторожности, чтобы предотвратить ссоры, которые могли легко перерасти в кровавые распри и привести к разрушению сообщества.

Женщины следовали за мужчинами на войну, чтобы приносить им провизию и боеприпасы, и нередко сражались рядом с ними. Своим присутствием они подстегивали их к усилиям; их иногда видели, как они отбирали оружие у того, кто, по их мнению, вел себя трусливо, и занимали его место.

Мелкие войны, которые Сулиоты вели с соседями с момента своего первого установления, можно узнать только по их последствиям для расширения султаната Сулиотов. Сам народ оставался неизвестным за пределами Эпира, пока их конфликты с Али-пашой не привлекли внимание Европы к горам Теспротии. В 1787 году Екатерина II, императрица России, находясь в состоянии войны с Портой, задумала поднять греков на восстание, и русские эмиссары пересекали страну с этой целью. Однако воспоминания о бедствиях 1770 года охладили привязанность греков к тем, кто, как они считали, предал их, и они не поддались на призывы. В 1789 году несколько греческих депутатов отправились в Санкт-Петербург, где их встретили с большим уважением; а по возвращении Сотири, примас Воститцы, написал

Сулиотам, информируя их о планах северной императрицы в пользу Греции и приглашая их начать военные действия против Али-паши как сигнал к общему восстанию всей Эллады.²¹

Али, услышав, что суллиоты проявляют признаки намерения возобновить враждебные действия, отправил против них 3000 человек. Суллиоты, которые были готовы их встретить, устроили засаду в своих ущельях; и войска паши, опасаясь атаковать их, разошлись по стране, грабя и уничтожая христианских крестьян. Когда они отступали, нагруженные добычей и уводя множество христиан в рабство, 200 смелых суллиотов преследовали их и напали на них с большим кровопролитием, освобождая пленников, возвращая добычу и гоняясь за разорителями в долину Янины, где сожгли мечети и загородные дома. Али, в это время вызванный присоединиться к армии на Дунае, а Греция оставалась спокойной, суллиоты, довольные тем, что отразили врага, прекратили дальнейшие враждебные действия. В 1791 году, после возвращения паши, они снова спустились со своего гнезда и распространили свои разорения по Амфилохии; торговля Нижней Албании была нарушена ими, и их смелые отряды проникли даже на гору Пинд. Но, грабя без разбора друзей и врагов, они оттолкнули как турок Теспротии, так и клефтических вождей Аграфы (Пинд). В начале зимы они вернулись отдыхать в свои горы.

²¹ Пукевиль.

Сулиоты, как обычно, довольные своим успехом, бездействовали, а Али вскоре после этого, прикинувшись причиной ссоры с жителями Аргирокастро, написал сулиотам письмо в самых лестных выражениях, приглашая их присоединиться к нему в экспедиции против этого города и предлагая им платить вдвое больше, чем албанцам, поскольку, по его словам, они вдвое храбрее, чем они. Сулиоты, справедливо не доверяя Али, не смогли устоять перед соблазном столь больших денег; но они были достаточно благоразумны, чтобы послать только семьдесят человек под командованием Цавелласа, достаточных, как они уверяли его в своем письме, для того, чтобы он одержал победу во всех кварталах. Али, поняв их недоверие, не обратил на это внимания; он принял своих помощников со всем уважением и, присоединив их к 10 000 отборных албанцев, отправился в Аргирокастро. Примерно в тридцати милях от Яннины он сделал привал; сулиоты, не подозревая о предательстве, сложили оружие и легли отдохнуть. Али тут же приказал своим албанцам обрушиться на них и взять в плен. Сулиотские воины не смогли оказать сопротивления, и всех их было решено отвести в Джаннину и бросить в ее подземелья. Внезапно повернувшись, Али направил свой поход на Сули, надеясь застать жителей врасплох. К счастью, один из пленных сулиотов вырвался из рук своих проводников, бросился в реку Тиамис и, переплыв ее под ливнем шаров, достиг гор и возвестил о приближении Али, который через три часа

прибыл к устью дефи́ле, которое, как он теперь убедился, хорошо охранялось. Не решившись атаковать их, хитрый паша отступил, решив испытать действие хитрости и коварства. Призвав к себе Цавелласа, он пригрозил ему самой жестокой смертью, если тот не отдаст ему во владение Сули. «Как я могу это сделать, — ответил тот, — когда я твой пленник? Если ты хочешь, чтобы я сделал это, дай мне свободу; позволь мне послать в Сули за моим сыном, и пусть он останется в твоих руках в качестве заложника». Али согласился; сын Ламброса Цавелласа, восемнадцатилетний юноша, был отдан ему в руки, и отец отправился обратно в Сули. Али ожидал исполнения своего обещания, когда ему вручили следующее письмо.

«Али-паша Тебелин, я ликую, что обманул плута; я готов защищать свою страну от такого разбойника, как ты. Мой сын может умереть, но я отомщу за него прежде, чем могилла примет меня. Некоторые турки, как и ты, скажут, что я отец без жалости, пожертвовавший сыном ради своей личной свободы. Но скажи мне, разве ты, став хозяином наших гор, не вырезал бы моего сына и все население? Кто бы тогда отомстил за него? Теперь, когда я свободен, мы можем быть завоевателями; моя жена еще молода, и у меня могут быть другие дети. Если бы мой сын роптал на то, что его принесли в жертву за его страну, он был бы недостоин жить и носить мое имя. Ну же, неверный. Я горю жаждой мести!

» Я, твой заклятый враг, Цавеллас».

Это письмо привело Али в ярость, но его страсти всегда

находились под контролем благоразумия, и он не считал нужным причинять вред заложникам. Он предпочел устрашить сулиотов демонстрацией своих сил. Свою армию в 15 000 человек он разделил на четыре корпуса, два самых крупных из которых, под командованием его сына Мухтара и его самого, заняли сулиотские деревни у дефиле, ведущих в Сули.

Сулиоты разработали дерзкий план, как застать пашу посреди его лагеря и увести его; но, к счастью для Али, он стал ему известен, и он решил больше не медлить, а совершить задуманное нападение. Собрав своих офицеров и 7000 или 8000 самых храбрых албанцев, он обратился к ним с речью, рассчитанной на возбуждение их фанатизма и ненависти к сулиотам, и обещал вознаграждение в 500 пиастров каждому из тех, кто проникнет в Сули и возьмет его. Албанцы выхватили мечи и поклялись исполнить его желание.

Чтобы противостоять этой грозной силе, у сулиотов было всего 1300 воинов, которыми командовал Георгий Бочарис, соперник Ламброса Тзавелласа по доблести и опыту. 2 июля 1792 года войска Али перешли в наступление; после мужественной обороны дефиле сулиоты отступили к Киафе, где небольшие отряды могли действовать с большим преимуществом. Албанцы атаковали их с упрямством и неустрашимостью, к которым они не привыкли; дважды отбитые с большой резней, они в третий раз вернулись в атаку. Дневная жара стала чрезмерной; сулиоты страдали от голода, жажды и усталости; их пушки так раскалились от непрерывной

стрельбы, что они уже не могли их держать, и после десятичасового боя они отступили, чтобы занять новые позиции на более высокой части горы. У второй башни небольшой отряд, которым командовал лично Георгий Боцарис, сделал привал; более многочисленный корпус под командованием Ламброса Цавелласа расположился в засаде в густом лесу, нависающем над дефиле; а 400 человек заняли позицию в Сули, чтобы противостоять врагу спереди.

Обрадованные успехом, албанцы двинулись вперед; поскольку у второй башни они не встретили сопротивления, то обошли ее стороной. Они продолжали подниматься в гору и, наконец, подошли к Сули. Здесь несколько сулийских женщин, не зная о замысле вождей, которые только и ждали, когда албанцы попадутся в расставленную ими ловушку, думая, что слава спасения их страны принадлежит им, приготовились защищать деревню. Мосхо, жена Ламброса Цавелласа, взяла топор и вскрыла сундук с патронами: она наполнила ими свой передник, схватила меч и ружье и во главе своих товарищей двинулась навстречу албанцам; 400 человек присоединились к ним, обрушились на наступающих врагов и отбросили их назад. Когда они бежали ко второй башне, Боцарис открыл по ним губительный огонь; в то же время Цавеллас, во главе тех, кто сидел в засаде, обошел их с фланга; шары сыпались на них во все стороны, осколки камней сыпались по склонам холмов; каждый албанец, прошедший вторую башню, нашел свою смерть, остальные бе-

жали на равнину, преследуемые победителями.

Мосхо был одним из самых ярых преследователей. Вокруг башни Киафы она видит тела десяти молодых сулиотов, которым было поручено ее защищать. В одном из них, только что испутившем дух, она узнает своего племянника, Кицоса Цавелласа; она наклоняется над ним, целует его в губы, накрывает своим передником – «Любимый племянник, – говорит она, – я пришла слишком поздно, чтобы спасти твою жизнь, но я могу, по крайней мере, отомстить за твою смерть твоим убийцам»; затем она отправляется в погоню за летящими албанцами.

Албанцы в ужасе разбегаются во все стороны; они бросают оружие, ищут убежища в лесах и горах; оружие, боеприпасы, багаж, все попадает в руки победоносных солиотов. 3000 албанцев, как говорят, были убиты; потери солиотов составили 74 человека убитыми и 100 ранеными.

Али, видевший катастрофу издалека, первым бросился в бегство, и скорость его была такова, что он убил двух лошадей между своим лагерем и Янниной. Он закрылся в своем дворце и целых две недели никого не допускал к себе. Вынужденный отложить планы мести, он послал епископа к солиотам и через него заключил с ними мир на следующих условиях: во-первых, уступить им определенную территорию; во-вторых, выплатить им 100 000 пиастров в качестве выкупа за пленников, которых они захватили; в-третьих, отпустить на свободу всех солиотов, которые были в его руках,

особенно молодых фотонов. Цавеллас.

Когда в 1797 году французы завладели Ионическими островами, они также стали хозяевами территорий Венеции на побережье Эпира, и Али проявлял крайнюю дружбу и уважение к этим новым могущественным соседям. Но когда из-за их похода в Египет Порта объявила им войну, он воспользовался случаем, чтобы напасть на Превесу (жителей которой он истребил самым варварским образом) и стать ее хозяином, а также сжечь Бутринто, древний Бутротум и Вонитцу. В своем рвении к Порте он готовился подчинить Паргу своей мягкой власти, когда появление русского и османского флота спасло ее от его когтей, и адмирал Очаков овладел ею от имени своего императорского господина. Вследствие успехов Али Порты прислала ему третий хвощ и титул визиря, а поскольку французы были побеждены, британский адмирал Нельсон послал одного из своих офицеров поздравить героя Эпируста, беспощадного Али. Однако более чем вероятно, что британец мало что знал о настоящем характере Эпирота.

Зиму 1798 года Али провел в приготовлениях к уничтожению солиотов, которых он считал самыми большими препятствиями на пути к своим амбициям. Он написал циркуляр всем окрестным агам, призывая их помочь в уничтожении нечестивой расы солиотов, пока на них не напали французы и русские, которым было суждено опрокинуть Османскую империю. Поскольку русские теперь занимали Ионические острова, магометанские аги и беи осознавали опас-

ность того, что у них есть союзник в глубине страны; и, будучи сильно поражены пророческим тоном письма визиря, все они отправились в Джаннину, и в конце трех месяцев Али получил возможность выступить во главе 12 000 мусульман против племен сули.

Сулиты были совершенно выбиты из колеи, и Георгий Ботзарис, герой предыдущей войны, который, то ли возмущенный тем, что его не оставили в должности, то ли получив взятку в 25 000 пиастров, предложенную ему визирем, удался из Сули со всеми семьями своей фары, в которой было 200 человек, способных носить оружие. Однако, не растерявшись, они взялись за оружие, решив защищать свою жизнь и свободу. 2 июня войска визиря, разделившись на четыре колонны, выдвинулись на четыре пункта и расположились вокруг горы Сули. Сам Али занял место с резервом в Ливе, деревне на полпути между Сули и Янниной. Фотос Цавеллас и Кицос Ботзарис, командовавшие соолийцами, вместо того чтобы затаиться в дефиле, вышли навстречу врагу и после тяжелого семичасового боя оттеснили его от берегов Ахерона, потеряв 370 человек убитыми, две пушки и несколько мушкетов. Раненые, которых было много, также попали в руки победителей, чьи потери были незначительны.

Визирь был сильно удручен этим поражением, но продолжал упорствовать в своем решении, считая, однако, необходимым задействовать больше войск, чем он первоначально предназначал для этого предприятия. Эти меры вызвали

некоторую задержку, но в ночь на 8 июня был отдан приказ с рассветом выступить в поход и атаковать дефиле Сули.

Войска отдыхали, готовясь к утренним трудам, когда в глубине ночи их разбудил залп мушкетов. Они вскочили на ноги с криками: «Сулиоты! Сулиоты!». Это были те самые 200 храбрых сулиотов, которые за три дня до этого разгромили турок Загориса, а теперь, усиленные 50 другими и все еще возглавляемые Фотосом Цавелласом, обрушились на албанцев. Темнота ночи, внезапность нападения и ужас перед сулиотами сделали албанцев неспособными к эффективной обороне; некоторые попрятались, другие сражались беспорядочно, набрасываясь друг на друга, и только на рассвете они смогли попытаться отступить в каком-либо порядке. Едва они отправились в путь, как налетела яростная буря с градом и ветром, которая, бросаясь им в лицо, препятствовала их продвижению и подставляла их под удары мечей солиотов. Ужасы суеверия объединились с ужасами врага, чтобы довершить разгром. Они бежали в Ливу, где их ждал Али, ожидавший известий об их успехе. Его присутствие уже не внушало им обычного благоговения, и они смело и открыто заявили, что больше не будут сражаться с сулиотами, которые, по их словам, не люди, а воплощенные дьяволы.

Али, видя нрав своих солдат и не желая провоцировать их несвоевременной суровостью, пообещал, что больше не потребует от них вступать в бой с солиотами, а только будет держать их в заточении с помощью крепостей, которые он

построит для этой цели. Это заверение успокоило их, и Али, не теряя времени, собрал 3000 каменщиков и заставил их работать днем и ночью, пока они не возвели двенадцать крепостей вокруг горы, на тех пунктах, через которые соолиты сообщались с окружающей страной. Ближайшая из этих крепостей находилась в двух часах ходьбы от Сули, а самая отдаленная – в пяти. Сам визирь удалился в Джаннину, оставив своего сына Мухтар-пашу продолжать блокаду.

С наступлением осени сулиоты начали ощущать давление нужды. Поэтому они пользовались темными и бурными ночами, чтобы миновать линию блокады и пройти по стране, собирая припасы; редко кто возвращался, не прихватив с собой скот, лошадей или людей, захваченных у врага. Эпидемические болезни поразили и войска визиря, и Али, обнаружив, как мало успехов он добился, решил, как обычно, прибегнуть к вероломству и обману. Он послал к сулиотам, предлагая восстановить прежние отношения с ними, если они дадут двадцать четыре заложника в качестве гарантии того, что не будут совершать никаких опустошений на его территории. На эти условия сулиоты охотно согласились и отдали заложников. Но неверный сатрап, получив заложников в свою власть, оставил всякие мысли о мире, зная, что, поскольку в его власти предать их смерти, если ему будет угодно, их родственники будут против войны. Письмо от сулиотов на этот счет обмануло его. «Али-паша, пока что мы потеряли 17 человек, защищаясь от тебя. Убейте наших

заложников, и сорок одна жертва погибнет за свою страну. Она стоит большего и не будет отдана такой ценой».

Али снова предложил, если они оставят свою гору, дать им в обмен на нее плодородный район и 2000 кошельков денег или, если они пожелают, отпустить их на Ионические острова. Они поблагодарили его за предложение, но заверили, что ни их свобода, ни их страна не могут быть куплены за золото, и что они будут защищать их до тех пор, пока жив хоть один солиот. Не сумев подкупить общину, Али уперся в патриотизм отдельных людей и послал сказать Димосу Дракосу, одному из их вождей, что если он и его племя уйдут из Сули, то он даст ему 800 кошельков. Верный своей стране, Димос ответил, что нет нужды посылать ему все эти деньги, которые он не в состоянии даже сосчитать; и что даже если бы он был в состоянии, он не продаст за них ни одного камня своей страны, не говоря уже о самой стране. По его словам, его оружие – это единственное богатство и честь, которыми он дорожит; его стремление – защищать свою родную землю.

С момента установления блокады прошло уже десять месяцев. Болезни, дезертирство и меч сильно уменьшили армию паши, но каждый день прибывали новые войска, чтобы заполнить освободившиеся места. Солиоты, со своей стороны, потеряли двадцать пять человек, их провиант был почти на исходе, а окружающая страна совсем истощена. Они вынуждены были питаться кореньями и травой, а также корой

деревьев, истолченной с небольшим количеством муки. Но никто не говорил о сдаче, и, как ни были они слабы и истощены, они всегда были готовы выступить против врага или преследовать его. Им удалось отправить около 200 стариков, женщин и детей, которые были гостеприимно приняты русскими на Ионических островах. Однако голод все усиливался, и в конце концов было решено предпринять попытку доставить провизию из Парги. Так, однажды темной ночью отряд, состоящий из 413 мужчин и 174 женщин, спустился с горы, миновал линию блокады и благополучно добрался до Парги, где был принят с величайшей добротой. Парганоты содержали и кормили их четыре дня, а на пятое утро они отправились в путь, нагруженные таким количеством провизии, которое в их слабом состоянии они были в состоянии пронести на расстояние двенадцати лиг, по неровным дорогам, и в лагерь врага.

Когда сулиоты приблизились к своим горам, они действовали с величайшей осторожностью. Сто человек, менее нагруженных, чем остальные, шли первыми, чтобы быть готовыми к нападению. Эта предосторожность не была излишней. Восемнадцать сотен албанцев затаились в ожидании, но, напуганные воздушным натиском солиотов, они не рискнули двинуться с места, и отряд благополучно достиг дефиле. Их прибытие стало своевременным облегчением для полубморочных призраков, ожидавших их, а провизия, которую они принесли, вернула им некоторую бодрость. Но это было

недолго, и вскоре голод снова пришел к ним. Однако примечательно, что, не думая о сдаче, они сохранили гордость и даже веселое настроение, свойственное временам их наибольшего процветания. Так, когда Али назначил цену в пять пиастров за их головы, их вожди выпустили в ответ следующее воззвание:

«Али-паша слишком низко оценивает головы сулиотов. Похоже, он не знает, как они ценятся и как трудно их достать. Мы считаем, что оцениваем головы турок по справедливой стоимости, и каждый соолиот, который принесет одну голову, получит в награду пять патронов».

И снова турки однажды забрали принадлежащую солиотам ослицу, которая забрела в их пределы. Сулиоты послали вернуть его, и он был возвращен, без всякого прогона. Тогда сулиоты, взяв турка, послали его в обмен на осла, оправдываясь тем, что не отправили полную стоимость своего осла.

Однако вражда между сулиотами и их осаждающими не была крайней. Армия визиря, как мы уже видели, состояла в основном из добровольцев и вспомогательных войск, которых его искусство или их собственный фанатизм привлекли к его знаку, и которые втайне боялись и ненавидели его. Незначительный успех, который пока сопровождал их операции, и некоторые меры, принятые им против них, заставили их внимательно прислушаться к представлениям Фото-са Цавелласа и Димоса Дракоса, вождей сулиотов; они видели, что действуют против своих собственных интересов, спо-

собствуя расширению власти Али, который, как они хорошо знали, когда ослабнет опасение солиотов, обратит свои искусства и свое оружие против себя. Между солиотами, с одной стороны, и Ибрагимом, везиром Берата, Мустафой, пашой Дельвино, Исламом Прогно, агой Парамифии, Махмудом из Конисполиса и хейсами Хаймури была тайно заключена лига против Али-паши, с другой стороны, для одновременной войны с везиром Яннины. Сулиоты получили от своих союзников сорок кошельков для закупки провизии и боеприпасов, а также произвели обмен заложниками. Заложники из числа солиотов, в количестве шести человек, были отправлены в Дельвино. Агас и бей, воспользовавшись отсутствием Мухтар-паши, удалились в свои дома, а сулиоты остались на свободе.

Али был вне себя от ярости при известии об этом заговоре против него, и еще больше, когда в соответствии с договором, заключенным между Россией и Портой, он был вынужден отдать венецианские округа, которые он отвоевал у французов и которые теперь были образованы в независимый от него воеводилик. По этому случаю, как нам рассказывают, ²²он призвал к себе Канавоса, клефтийского вождя, которому был обязан жизнью. «Мы одни, – сказал он, – ты видишь мое положение, видишь число моих врагов: так вот, в мире есть только три вещи, которых я боюсь; угадай, что это за вещи». Первая, конечно, это Бог. «Пша! Я никогда его

²² Pouqueville, I. p. 155.

не боялся.» – «Ну, тогда скажи, кто они?» – «Первый – Су-
лиот, Кицос Боцарис;²³ второй – Юсуф-бей, кийя султана
Валиде; третий – “ – «Кто?» -» Ты сам! Ваша храбрость и ва-
ши заслуги внушают мне ужас. «Моя жизнь в ваших руках,
и вы можете распоряжаться ею. «Я бы вырвал ее у вас сей-
час же, если бы не страх перед моими солдатами; вы види-
те, как вы грозны для меня. Где твой шурин, Палеопуло?» –
«Он вернулся в Аграфу.» – «Ты знаешь что-нибудь о Кицо-
се Боцарисе?» – «Он во главе сулиотов.» -» Как вы все меня
ненавидите! Пусть Палеопуло придет сюда со всеми своими
людьми; вы скоро увидите, что Али – это зажженный факел,
который пылает, как солнце; когда он взойдет, он разгонит
тени». Канавос удалился; написал своему шурину, сообщив
ему об этом разговоре и попросив его собрать своих людей
и быть начеку. Несколько ночей спустя, проезжая по улицам
Яннины, он был ранен в плечо пистолетным выстрелом; он
немедленно отправился в Итолию, но паша устроил для него
засаду, и он и его палицаи были все убиты.

Все клефты Фессалии, Итолии и Акарнании взяли в руки
оружие, чтобы отомстить за убийство Канавоса; салонские
беи также приняли участие в конфедерации, а пелопоннес-
ский Колокотронис переправился через залив Лепанто, что-
бы присоединиться к воинам Итолии.

Эта грозная на первый взгляд конфедерация не внушала
Али особых опасений. Подкупом и хитростью он воспитал

²³ Вероятнее всего, Фотос Цавеллас, поскольку Боцарис покинул Сооли.

внутренних врагов Ибрагиму и агам и, заполучив правителя замка Дельвино, заполучил в свои руки заложников-сулийцев, четырех из которых тут же повесил; двух других, брата Фотоса Цавелласа и сына Димоса Дракоса, с помощью которых он надеялся заполучить или запугать этих вождей, он оставил у себя.

Когда весть о том, что их заложники попали в руки Али, а четверо из них погибли, достигла Сули, Фотос и Димос собрали народ и жрецов. «Мы отдали, – сказали они, – шесть заложников аге Дельвино; все они попали в руки Али-паши; все они мертвы, – ибо такова судьба каждого истинного соолийца, которого он заполучает в свою власть. Повторите за ними заупокойные молитвы; когда мы помолимся за шестерых жертв, мы пойдем и отомстим туркам за их смерть». Молитвы были прочитаны, и, выйдя из церкви, Фотос и его люди спустились с горы и вскоре омочили свои мечи в крови мусулман.

Как раз в это время Али был вынужден отозвать часть своих войск из Сули, чтобы отправить их под командованием своего сына Мухтара на помощь султану против Георгима, паши Адрианополя, который поднял мятеж. Сулийцы воспользовались этим перерывом, чтобы запастись боеприпасами и провизией и подготовиться к предстоящему конфликту.

В это время в Сули жил монах по имени Самуил, прозванный Страшным Судией (ἡ τελευταία κρίσις), словами которого он заканчивал все свои беседы. Этот человек был рев-

ностным и патриотичным провидцем; его единственным занятием были пророческие книги Писания, особенно Апокалипсис, в котором он, как ему казалось, находил самые ясные предсказания триумфов Сули. Он неустанно увещевал народ, все труды и опасности которого он с радостью разделял, а его красноречивые речи поднимали его на высокий уровень энтузиазма. Этому монаху вожди сулиотов доверили хранение боеприпасов и провизии, и он возвел башню для их хранения между Киафой и Сули, которую назвал Киоонги.

По возвращении Мухтара блокада была ужесточена, и, когда войска паши заняли свои позиции в устьях дефиле, соолиты оказались в полной изоляции. После нескольких недель задержки Али решил еще раз испытать действие переговоров и предательства. Георгий Боцарис, об измене которого уже говорилось, умер, оставив двух сыновей, Ноти и Кицоса, молодых людей с большими достоинствами, но оказавшихся, вследствие поведения отца, вынужденными продолжать службу у визиря, который теперь решил использовать их против своей страны. Поэтому Кицос Боцарис обратился к соолийцам с двумя предложениями, одно из которых заключалось в том, что в Сооли должна быть возведена сильная башня, в которой Кицос Боцарис должен проживать с сорока своими людьми, имея право наказывать любого соолийца, который совершит какое-либо опустошение в любом месте, принадлежащем пашалику Яннины; другое – что

Фотос Цавеллас должен быть обязан покинуть Сули.

Можно было ожидать, что эти условия будут отвергнуты соолийцами, которые теперь были хорошо снабжены провизией и боеприпасами и чье восхищение доблестью храбрых фотосов было таково, что «Если я солгу, пусть меч фотоса оборвет мои дни» стало их обычным восклицанием. Но, похоже, они устали от вечной войны и даже прониклись доверием к словам визиря, о которых сообщает Боцарис. Вожди просили Фотоса уступить ради блага своей страны. Фотос, чей патриотизм был чист, а рассудительность незамутнена, тщетно пытался открыть им глаза. Видя их неподвижность, он поспешно покинул собрание, побежал к своему дому и поджег его, а затем удалился со своей семьей в деревню Хортия, расположенную на расстоянии около шести миль и за пределами территории суолитов.

Али теперь достиг цели своих переговоров, лишив Сулиотов мужества и таланта Фотоса. Он немедленно написал Боцарису с просьбой не продолжать дело в данный момент, и одновременно написал Фотосу, призывая его приехать в Янин, чтобы обсудить дела Сули, предлагая все гарантии, которые он мог потребовать для своей безопасности. Приглашение было принято Фотосом, и он получил весьма лестный прием от хитроумного визиря, который сразу же предложил ему отомстить Сулиотам, помогая их подавить. Фотос спокойно ответил, что сделать это больше не в его силах. Тогда Али предложил ему заставить весь его род и его

партию покинуть Сули. Фотос, который с самого начала решил, как действовать, стал делать вид, что колебался, высказывал возражения и в конце концов согласился поехать в Сули и попробовать, что он может сделать для паши, заверив, что вернется в Янин и даст отчет о своем успехе. Фотос отправился, приехал в Сули, собрал народ, раскрыл им замыслы паши и был полностью им поверен. Они умоляли его о прощении за свое отношение к нему, пообещали восстановить его дом, полностью следовать за ним и больше никогда не вести переговоры с пашой, если он только останется и будет их лидером, как прежде. Удовлетворенный тем, что их древний дух возродился, Фотос заверил их в своей преданности стране; но его слово было дано, и, несмотря на их мольбы, он вернулся в Янин, где паша, зная, как он выполнил свою миссию, бросил его в подземелье, не выслушав и не увидев.

Глава V

Война с Сули, санкционированная Портой, – страдания Гусиса – патриотизм Фотоса Цавелласа – капитуляция Сооли – смерть Самуила – предательство Вели-паши – героизм соолийских женщин, Деспо и ее дочерей – рассеяние соолитов.

Война затянулась до весны 1803 года. До сих пор Порта не санкционировала войну против Сулиотов, и Али вел ее под свою ответственность; но теперь, воспользовавшись реальными или мнимыми сношениями между ними и французами, с которыми Порта находилась в состоянии войны, Али своими взятками и представлениями в Серальи добился фирмана, разрешающего ему призвать на свою сторону войска всех соседних пашей, беев и арендаторов короны, напасть на соолийских джоуэров и уничтожить их. В результате ему удалось собрать более многочисленную и более послушную армию, чем прежде, которую он отправил на соединение с армией своего сына Вели-паши, и война продолжилась с новой силой.

Сулиоты не испытывали недостатка ни в провизии, ни в боеприпасах; их мужество было свежим, как никогда. Они преследовали и уничтожали осаждающих, которые, к тому же, сильно страдали от болезней, постоянно уменьшались из-за дезертирства и проклинали безумие Али, надеявшегося

ся когда-нибудь взять неприступную скалу Сули. В сентябре 1803 года сулиоты одержали победу и триумф; но это было в последний раз, и измена совершила то, чего не могла совершить сила.

В Сули жил человек по имени Пилиос Гоосис, который однажды во время боя с врагом повернулся спиной и бежал. По обычаям Сооли, за это преступление была наказана жена труса, которой не разрешалось набирать воду в фонтане, пока все остальные женщины не наполнят свои кувшины. Это оскорбление, повторявшееся изо дня в день, приводило жену Гоосиса в ярость, и, возвращаясь домой, она выплескивала свое негодование на того, кто был его причиной. При желании Гоосис мог бы загладить свой позор, совершив какой-нибудь поразительный поступок против врага; но он предпочел месть, добытую изменой. Он тайно искал покои Вели-паши, принимал его взятки и согласовывал с ним план уничтожения своей страны.

Утром 25 сентября Вели привел в движение всех своих албанцев и двинулся к Сули. Они форсировали дефиле и начали подниматься в гору. Поднялась тревога, и соолийцы взялись за оружие; но в Сооли было всего шестьдесят человек, а в Киафе – очень мало; большая часть людей находилась в Киоонги с Самуилом. Войска паши двинулись прямо на Сооли; горстка людей, находившихся там, бросилась на них в атаку, как вдруг 200 албанцев, которых предатель Гоозис ввел ночью и спрятал в своем доме, стоявшем в кон-

це деревни, бросились вперед и обрушились на них с тыла, а войска под предводительством Вели взяли их спереди. Против таких сил сопротивление было тщетным, и Сули стал призом паши.

Вели направил часть войск против Аварикоса, где они не встретили сопротивления: жители отступили в Киафу. Жители Самонивы также покинули свою деревню, так что у соолийцев не осталось других мест, кроме Киафы и Кионги; первая была защищена башней и окопами, а вторая сильна только своим положением на обрывистой скале. Паша обстреливал их из пушек: день за днем повторялись штурмы, предпринятые его войсками и отбитые храбрыми Сулиотами; наступил ноябрь, и осаждающие не добились никаких видимых успехов. Но голод, враг, которого больше всего боялись храбрецы, приближался; боеприпасы тоже были на исходе, и не было никаких надежд на облегчение, чтобы подбодрить их.

Бедственное положение его страны дошло до слуха Фотоса Цавелласа в темницах Яннины. Он послал сказать Али, что если тот выпустит его из темницы, то он пойдет и заставит людей своего племени и партии покинуть Киафу и Кионги, которые, будучи ослабленными, не смогут больше держаться. В то же время он предложил оставить свою жену и детей в качестве заложников за его добрую волю. Али, как ни был он хитер, с радостью ухватился за это предложение. Фотос поспешил к Вели-паше, сообщил ему о договоренно-

сти с визирем, назвал Паргу местом, куда он поведет своих партизан, потребовал и получил для них паспорт туда. Фотос вошел в Киафу; он собрал вождей, рассказал им, что он сделал и как намеревался обмануть пашу. «Я обещал, – сказал он, – что я и мои друзья уедем в Паргу. Пошлем вместо них стариков, женщин и детей. Я потребую и получу залог за их безопасность в пути; а когда они будут в безопасности в Парге и здесь не будет никого, кроме мужчин, ситуация изменится. Нашей доблести больше не будет мешать жалость к беспомощным родителям и детям, и мы будем сражаться, как подобает мужчинам, которые борются за свободу и существование».

Его слова были встречены аплодисментами и восхищением. Оставалось только уговорить парганотов принять беглецов, и Фотос сам отправился в Паргу с этой целью, предварительно договорившись, что во время его отсутствия ничего предпринимать не следует.

Парганоты охотно согласились на все, что от них требовалось; но так как они ничего не могли сделать без согласия русских, которые теперь были хозяевами Корфу, было отправлено послание к правителю этого острова. К несчастью, погода была штормовой; прошел один, два, три дня, а ответа все не было; прошла неделя, десять дней; нетерпеливый Фотос был в агонии отчаяния. Двенадцатое утро не принесло никаких вестей с Корфу, но зато принесло вести из Киафы, которые положили конец всякому беспокойству об от-

вете русского командира. Фотос отправился в Киафу и, прибыв туда, обнаружил, что все потеряно.

Племя Зерваса, как говорили, было побуждено вождем по имени Кутзоникас и боцарями заключить договор с Вели-пашой и получить разрешение покинуть Киафу; из всего племени остался только Димос Зервас и его ближайшие родственники, и в Киафе остались только друзья и сторонники Фотоса. Поскольку их было слишком мало, чтобы надеяться на успешное сопротивление, они решили оставить Киафу и уйти в Киоонги, где хранились последние надежды Сооли. Али, чье личное мужество не отличалось особой храбростью, узнав о положении дел, поспешил в лагерь, упрекнул своего сына Вели в недостаточной активности и, собрав 18 000 человек, решил закончить войну одним ударом. Предварительно он призвал Фотоса сдаться, но неустрашимый Сулиот ответил, что опасность, грозящая его жене и детям, никогда не сделает его трусом, что нынешнее положение его страны не позволяет ему думать о них, и что он и его товарищи никогда не сдадут оружия.

По обычаю сулиотов, они никогда не ждали нападения. Поэтому, как только Фотос увидел, что войска визиря пришли в движение, он встал во главе 150 мужчин и нескольких женщин и двинулся им навстречу. Огонь сулиотов был настолько быстрым, что их пушки вскоре стали слишком горячими для использования; положив их на землю, они начали обрушивать на врага большие массы камней с занима-

емой ими позиции. Бой продолжался семь часов; по истечении этого времени мусульмане отступили, оставив на поле боя 700 человек убитыми и взяв с собой втрое больше раненых. Потери сулиотов в этой их последней победе составили всего восемь мужчин и три женщины; четырнадцать из них были ранены. Али, не насладившись этим образцом соолийской доблести, вернулся в Джаннину, оставив Вели-пашу вести войну так, как он считал нужным.

Война, однако, близилась к концу; запасы провизии у Сулиотов были почти исчерпаны, и, к тому же, к их несчастью, они теперь были полностью лишены воды. Терпя страдания от жажды в течение нескольких дней, они увидели, что им ничего не остается, как либо капитулировать, либо пасть с мечом в руках на врагов и погибнуть, либо прорубить себе путь через них. Любовь к женам и детям сразу же отвлекла их от последнего пути, и Вели была предложена капитуляция при условии, что им будет позволено уйти со своими семьями и имуществом, которое они смогут унести. Паша принял предложение с радостью, и капитуляция была подписана 12 декабря 1803 года (по старому стилю).

На следующее утро сулиоты ушли. Они роняли слезы, покидая могилы своих отцов и горы, где в течение полутора веков они жили в независимости и бросали вызов турецкой власти; но они не были побеждены и по-прежнему хватались за оружие.

Самуил остался с четырьмя Сулиотами в Киионги, что-

бы сдать это место и оставшиеся магазины мусульманам. Он сел на ящик, наполненный порохом; вошли два офицера, посланные овладеть крепостью. «О монах, – сказали они, войдя, – как, по-твоему, обойдется с тобой визирь, если ты попадешь в его руки?» – «Тот, кто так же мало заботится о жизни, как я, мало боится визирей», – ответил монах и, поджег порох, взорвал себя, офицеров и двух сулиотов. Двое оставшихся Сулиотов, которые находились возле двери, были только ранены, и именно они впоследствии рассказали об этой сцене.

Две тысячи Сулиотов под предводительством Фотоса Цавелласа, Димоса Дракоса и Цимы Зерваса направились в Паргу. Тысяча других последовала за Кицосом Ботзарисом и Кутзоникасом к Залонгосу, обрывистой горе, расположенной примерно в двадцати милях к югу, где находился знаменитый монастырь и небольшая деревня. Другие направили свои шаги к деревне Регниаса, а третьи – к горе Юомерка, намереваясь оттуда перейти в горы Этолии.

Вели и его отец отнюдь не собирались придерживаться условий капитуляции. Али никогда не мог считать себя хозяином Сули, пока жив хоть один сулиец, а возможность напасть на врагов и уничтожить их, пока они разрознены и лишены бдительности, нельзя было упускать. Поэтому Вели, собрав 4000 отборных воинов, поспешно отправил их за Фотосом и его отрядом. К счастью, Сулиоты шли быстрым маршем, и большая их часть уже миновала границы Парги, ко-

гда появились войска Вели. Фотос, который с несколькими людьми прикрывал тыл, все еще находился на территории паши, но нападать на него было бесполезно, и все Сулиоты спаслись, потеряв лишь часть своего багажа.

Отряд под командованием Боцариса прибыл в Залонгос и теперь считал себя в безопасности, как вдруг они увидели приближающиеся войска паши – Вели, разгневанный тем, что упустил предназначенную ему добычу, немедленно приказал своим войскам напасть на соолитов в Залонгосе. Тогда вожди поняли свою ошибку, поверив обещаниям ви-зи-ря, и решили показать себя истинными патриотами если не в жизни, то в смерти. Шансов на спасение не было: со всех сторон на них надвигались войска паши; их теснили старики, женщины и дети. Мусульмане перешли в наступление, сулиоты галантно встретили их, и бой затянулся до самого утра. Наступила ночь, и сражение прекратилось. На следующее утро он возобновился; Сулиоты сражались с обычной доблестью, когда шестьдесят их женщин, понимая, что все должны быть окончательно уничтожены, решили спасти хотя бы свою честь. Они собрались на каменном столе, одна из сторон которого перпендикулярно поднималась из глубокой скалистой долины, по которой, кипя и пенясь, несся горный поток. Каждая из них была матерью; каждая вела или несла своего ребенка. Недолго думая, они схватили своих детей, поцеловали их в последний раз и, отвернув лица, бросили в бурлящий поток; затем, схватив друг друга за руки,

они расположились в круг как можно ближе к краю пропасти и начали стремительный танец. Первая, кто в вихре движения оказывался на краю, бросалась вниз; круг снова замыкался, с каждым оборотом число танцующих уменьшалось, пока, наконец, все не исчезли. Все погибли при падении.

Наступила ночь, а Сулиоты все еще держали своих врагов на расстоянии. Еда и патроны были на исходе, ночь была темной, и они решили воспользоваться этим, чтобы попытаться сбежать. Разделившись на две части и поставив между собой стариков, женщин и детей, они молча двинулись в путь; матери несли детей, а несколько мужчин шли вперед с мечом в одной руке и ребенком в другой. Они достигли лагеря врагов, но застали их на чеку; двадцать сулиотов были убиты, еще несколько взяты в плен; остальные пробивались вперед, преследуемые мусульманами. Темнота ночи и густота леса помогли сулиотам и сбили с толку их преследователей. Беглецы разделились на небольшие отряды и двинулись в разные стороны, но все это не помогло им спастись; из 800—900 человек, покинувших Залонгос под предводительством Боцариса, до территории Парги добрались лишь 150. Остальные были убиты, либо взяты и доставлены в Джаннину, откуда их переправили в Бургарели.

Затем Али приказал своим войскам идти на Регниасу. Здесь были только женщины, и они убивали или забирали их по своему усмотрению. Только один дом оказал сопротивление. Он принадлежал сулиоту, который отсутствовал;

в нем жили только его жена Деспо, семь ее дочерей и невесток и трое их детей. Вооружившись мушкетами, эти храбрые женщины продолжали обстреливать нападавших. В конце концов Деспо, видя, что успех безнадежен, поставила посреди пола сундук с патронами и взяла зажженный факел. «Вы умрете или будете захвачены турками?» – крикнула она. «Умрем!» – ответили они, и она подожгла порох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.